

Во времена перемен

Людмила Палатова

16+

Людмила Федоровна Палатова

Во времена перемен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63827676

SelfPub; 2021

Аннотация

По сути, это автобиографическая книга Людмилы Федоровны Палатовой. Она состоит из воспоминаний и размышлений о жизни. Интересные эпизоды, образы и характеры людей представлены ярко и живо. Автор в деталях описывает жизнь своего поколения, особенности и нравы уходящей эпохи. Значительная часть книги посвящена медицине – ее истории и эволюции. Книга ориентирована на широкий круг читателей.

Содержание

Во времена перемен	4
Вместо предисловия	5
Предки	7
Пермь	20
Карандеевка	61
Школа	73
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Людмила Палатова

Во времена перемен

Во времена перемен

О милых спутниках, которые весь свет
Своим присутствием животворили,
Не говори с тоской – их нет,
Но с благодарностью – были.
В.А. Жуковский

Вместо предисловия

В определенном возрасте у пожилых людей иногда появляется настоятельная необходимость оставить воспоминания о прожитом. Как правило, обычно они касаются громких событий, героических поступков. В памяти моего поколения таким событием была война. Мы – дети войны, и героизма при всем желании по малолетству проявить не могли, хотя и были среди молодежи личности необыкновенные. Но война отразилась на каждом из нас, у многих она изменила судьбу. Правильно заметил Р. Фраерман: «Не все в мире измеряется твоей готовностью умереть. Куда труднее оказывается иногда простая дорога жизни». Участники войны, жители блокадного Ленинграда вспоминать не любят, да и осталось их очень мало. Неизбежно в нас присутствие перенесенного и передуманного. Лучше, чем Ю. Левитанский, не скажешь:

Я не участвовал в войне,
Война участвует во мне!

Но и мирные времена выдались нелегкими. Мне хотелось показать, как жилось в двадцатом веке обыкновенному человеку, рассказать о наших предшественниках, и тех, кому мы обязаны жизнью, потому что свою они отдали за нас.

Благодарю своего одноклассника, Геннадия Валерьевича

Иванова, за сопереживание и предоставленные материалы и
Олега Игоревича Нечаева за участие в работе.

Предки

Как и многие из моего поколения, я плохо знаю свою родословную. Старшие часто были вынуждены скрывать прошлое в целях элементарной безопасности. Мне довелось как-то познакомиться с носителем очень известной декабристской фамилии, который в ответ на мой вопрос о его предках попросил рассказать, что об этом известно мне. В детстве он слышал разговор деда с отцом, когда старший на подобный вопрос ответил, что был такой дурак когда-то давно, из-за которого семья до сих пор страдает. И попросил никогда больше никогда не поднимать эту тему.

Наша беседа случилась в районной больнице. Как в наши края попали представители такой фамилии, можно только гадать. Советская власть, прославляя подвиг декабристов на словах, истребляла потомков их без всякой пощады. Разговор наш закончился тем, что я подарила моему пациенту мемуары декабристов с пожеланием самостоятельно разобраться в своей семейной истории.

Мне скрывать было нечего, как раньше казалось. Потомок крестьян тамбовской губернии из первого в роду поколения с образованием. Представитель очень большой семьи, живущая от нее на отшибе, я не знаю подавляющего большинства своих родственников. Воистину, «мы ленивы и нелюбопытны». Можно было в свое время заинтересоваться, расспро-

силь, а теперь уже некого.

Предки с обеих сторон жили в селе Карандеевка Инжавинского уезда Тамбовской губернии. Половина деревни Палатовых, половина – Филитовых. Фамилия отца (Палатов) татарская. Беседовала с однофамильцами, которые безусловно подтвердили ее тюркское происхождение. Откуда она взялась, сказать сложно, но рядом с Каран (Коран) деевкой – у нас там «акают» – Караул, Уварово и т.п. Рядом было имение Чичериных. Я еще слышала о «господском доме». Скорее всего, предки были крепостными, мама говорила об «однодворцах».

Хорошо знала я только деда с маминой стороны, Иллариона Михайловича Филитова. Это был высокий красивый старик с сивой гривой волос, которую и в старости не брали обыкновенные ножницы. Стригли овечьими. В молодости он повредил колосом глаз, на нем осталось бельмо. Другим глазом дед без очков читал Евангелие с весьма мелким шрифтом. Я хорошо помню эту книгу из-за ее необычной формы. Среди немногих мужиков в деревне Михалыч был грамотным, а кроме того, имел кожаные сапоги, что было вроде парадного сервиза. В этих сапогах венчалась вся деревня. Понятно, что повседневной носке они не подлежали. В гражданскую войну, когда принудительные освободители разных цветов сменяли друг друга многократно, эти сапоги и сгнили. После белых пришли зеленые, потом нагрянули красные. Дед вышел поприветствовать законную, как он считал,

власть. Тут боец в буденновке сапоги с него и снял.

Женили деда насильно. Была у него любовь, такая же беднячка, как и он, а у моей будущей бабушки было какое-никакое приданое. В ответ на несогласие прадед Михаил (кроме имени о нем ничего не знаю) вывернул из плетня кол, благословил непокорного сына вдоль спины и одним ударом сделал несчастными трех бедолаг. Дед так и не забыл свою девушку, а ее тоже выдали замуж по родительскому расчету, страдала ни в чем не повинная бабушка Дуня. Несостоявшаяся невеста заболела и умерла от злой чахотки. Перед смертью, как гласит семейное предание, она подошла к плетню попросить у бабушки прощения. Та обошлась с ней сурово, на что бедная женщина сказала:

– Ох, Дуня! Как еще с тобой будет!

Как в воду смотрела! Бабушка Евдокия Захаровна родила семерых детей, мальчиков было только двое, младших, и только им полагался земельный надел. Один из братьев, Сергей, возвращаясь с Первой мировой войны, умер в эшелоне от испанки, неизвестно, где он похоронен. Второй, Иван, был взят на действительную службу и остался в Ленинграде. Земли в Тамбовской губернии было мало. Старших сестер надо было пристраивать замуж, а кому были нужны бесприданницы? А баба Дуня начала болеть. У нее развивалась какая-то системная патология, по скудным сведениям, похожая на ревматоидный артрит, а то и на болезнь Бехтерева. Прошли все больницы, монастыри, знахарей поблизости.

Разорили не один десяток муравейников, добывая муравьиный спирт для растираний. Все было бесполезно. Состояние ухудшалось. Можно представить, что значила болезнь хозяйки для крестьянской семьи. Баба Дуня была работающей и умелой, очень страдала от своего бессилия. А вся домашняя работа и уход за лежачей матерью свалилась на среднюю дочь Анну (Оню), которой было тогда 13 лет. Большой чугунок в печку поставить было не под силу. Каково было на это смотреть матери! Она чувствовала себя обузой и часто повторяла: «Где же ты, моя смертушка!». Она так и не вышла замуж – не на кого было оставить дом, а за ней было еще трое младших. Разница в возрасте у детей была большой. Старшая сестра была уже замужем, когда родилась моя мама, и была она старше племянницы только на год, а та всегда звала ее тетей Варей.

Оня осталась неграмотной, как и старшие девочки, работала в колхозе за «палочки», вела хозяйство, ухаживала за отцом, а в сундучке лежало ее приданое, сшитое и связанное своими руками из собственноручно изготовленной и окрашенной пряжи. Я маленькой очень любила разглядывать удивительного фасона старинное платье и кружевные накидки на подушки, когда раз в год их вывешивали для проветривания. Вещи просились в этнографический музей. И все они были украдены во время войны эвакуированной женщиной-инвалидом, которую тетка спасла от голодной смерти и кормила два года. Уехала дама втихаря, не по-

прощавшись, а вещи взяла, вынув дно у сундучка, вероятно, на память.

Старшие сестры, Татьяна и Елена, овдовели и жили в семьях дочерей. Только одну, похожую на мать очень симпатичную и тоже Дуню, выдали в обеспеченную семью. Брак получился по любви, но радовались недолго. Наступила коллективизация. В одночасье семья лишилась всего и была выслана в Мурманскую область на пустынное побережье реки Колы. Приближались холода. Вот тут-то и показала себя натура настоящего крестьянина-работника. Наверное, термин «кулак» и отвечал истинному положению вещей. Я всегда по этому поводу вспоминаю кинофильм «Ленин в восемнадцатом году», когда ходоки (кстати, тамбовские) в ответ на вопрос вождя «а как же бедняк?» отвечают: «это по-вашему – бедняк, а по-нашему – лодырь». И до сих пор удивляюсь, как прохлопали цензоры тогда эту фразу. Мои родственники наловили в реке бревен, которые в свободном плавании в большом количестве, как и в более поздние времена, катили при плановом хозяйстве в виде «сплава» своим ходом в моря-океаны, и построили себе жилье. Река изобиловала рыбой, которая пропитала и стала основой существования. Я увидела тетку единственный раз на тамбовщине в 1936 году. Ей разрешили навестить родных. Она угощала нас эксклюзивной рыбой в потрясающей обработке. В ответ на чей-то вопрос о жизни она ответила:

– Хотели сделать нам хуже, а получилось лучше!

И это благополучие было недолгим. Началась война. Погиб их единственный сын. Они остались в Мурманской области, и больше я ее не видела.

Баба Дуня умерла в 1916 году. Перед смертью она просила похоронить ее в коротком гробу, чтобы не разгибать сведенные контрактурой ноги. Боялась, что будет больно даже мертвой. Потомству по женской линии она оставила в наследство свою болезнь в разной степени тяжести. Другого капитала у нее не было.

Не знаю, раскулачивали ли деда. В глинобитной избе не было ничего, кроме скудного скарба. Дед Илларион был действительно бедняком, хотя работал хорошо. В молодости выпивал, но однажды с товарищами отмечали какое-то событие. Когда он протрезвел, обнаружил, что потратил больше, чем мог себе позволить, встал на колени перед иконой и дал зарок. Больше не пил никогда. Зимой, завершив работы в поле, мужики в деревне собирались каждый со своей лошадью в Крым по договору с торговцами и везли оттуда всякий южный товар. Полученные за это деньги шли на хозяйство, а детишкам доставались гостинцы – изюм, сладкие рожки, вяленый инжир и т.п. Умер дед перед самой Отечественной войной, будто Бог оглянулся на хорошего человека и избавил его еще и от этих страданий.

Когда моей маме, Варваре Илларионовне Филитовой, исполнилось 9 лет, ее определили в няньки к дальней родственнице. От нищеты это было сделано, или из желания ей

лучшей доли, сказать трудно. Вероятно, от того и другого с учетом ее бесполезности в хозяйстве. Родственница, Анастасия Ивановна Полубояринова, увезла ее в Баку. Город этот был Меккой для жителей села. Вероятно, когда-то давно какой-нибудь дядя Вася случайно попал туда на заработки, и за ним потянулись родные и близкие. Анастасия Ивановна была личностью весьма примечательной. Рано вышла замуж, как оказалось, за революционера, который от нее свои занятия скрыл, родила от него ребенка. Его арестовали, сослали в Сибирь. Собиралась она за ним, а потом раздумала. Занялась делом, организовала швейную мастерскую, поскольку была хорошей портнихой. В те времена семейные предприятия и артели имели большие налоговые льготы, почему и набрала работников А.И. из дальней родни. Мама была еще мала для работы в мастерской. Ей достался малыш для воспитания. Никого А.И. шить не научила. Все были только на подсобных работах – швы обметать, пуговицы пришить. Конкуренты начальнице были не нужны. Мама превосходно шила потом, но для этого ей пришлось закончить уже в Перми курсы кройки и шитья, которые остроумцы называли «кукиш». Я любила играть с ее экзаменационным платьицем очень сложного фасона, сшитым для куклы.

Хозяйка набирала силу. Ее талант и оборотистость способствовали процветанию мастерской, обшивала она, как теперь сказали бы, ВИПов, поэтому появились и связи. Была куплена дача в Кисловодске, а затем и гостиница «Европа»

в центре Баку. Тут и появился жених, абсолютный негодяй и альфонс, который жил на ее деньги, кутил и обманывал ее на каждом шагу. А она в нем души не чаяла. По словам окружающих, он был причастен к гибели ее сына от первого брака. На его памятнике слова: «Мой милый мальчик, простишь ли ты свою бедную маму?». Во время войны муж попал к немцам, ушел с ними и исчез из ее жизни. Остались двое его сыновей. У нас сохранилась фотография, как и все тех времен, превосходного качества, на которой изображен холеный мужик с необычайно плутоватой физиономией. После революции во время НЭПа А.И. приобрела еще одну гостиницу, «Новую Европу», где мама работала уже экономкой. На исходе 20х годов НЭП закончился со всеми вытекающими последствиями, но хозяйка опять устояла. Снова начала обшивать уже теперь советскую и партийную верхушку. Гостиницы, конечно, отобрали. Однако, владелицу не выслали, не посадили, а сыновья закончили институты, это в те времена, когда в получении образования было отказано даже детям мелких служащих. В институтах учились исключительно дети рабочих и крестьян, имевшие в виде базиса 2 класса церковно-приходской школы.

Маму благотельница в школу не пустила даже после революции, когда для детей крестьян была везде зеленая улица. Нянька, прислуга, экономка – только такой расклад. Робкие просьбы об учебе заканчивались одинаковым заключением: «пойдешь на парাপет». Так тогда в Баку называли

часть набережной, которую облюбовали проститутки. Попытки выйти из под контроля подавлялись в зародыше. И после замужества А.И. умудрялась держать маму в рабской зависимости. Собственно, это осталось на всю жизнь: полный паралич инициативы, отсутствие самостоятельности, неспособность противостоять чужой воле, зависимость от чужого мнения. И все это у умного от природы, работоспособного и порядочного человека. Мне она постоянно внушала: «Если что, ты сразу отходи». Правда, не на ту напала. Я пошла в другую родню. И когда мама ссылалась на А.И., я еще в те времена усвоила, что капитализм – это рабство трудящихся. Как удалось женщине без всякого образования самостоятельно разработать методику психолингвистического влияния (тогда такого понятия еще не было) и так виртуозно ею пользоваться, остается для меня загадкой. Подвигов А.И. ее семья не оценила. Умерла она на чужой кухне в соседстве с керосинками, всеми брошенная и разоренная. Мне не удалось ее повидать, не застала ее в Москве, когда была там в командировке. Да это, наверное, к лучшему.

Отцовскую родословную я знаю еще хуже. Дед со стороны отца (звали Дмитрием, а отчества не знаю) умер скоропостижно, выпив в жару криночку молока с «погребницы». Бабка, Наталья Васильевна, осталась беременной с четырьмя детьми. Моему отцу, старшему, было 7 лет, младшая – Мария – еще ползала. Хозяйство было большим: лошади, коровы, большой сад, пчельник и, конечно, земля. Бабка пя-

того родила в октябре в поле. Было холодно. Завернуть ребенка не во что. Он умер по дороге. «Да и Бог с ним, ягодка, куда его еще, пятого-то?». Остальных подняла одна. Мой отец, вернувшись с фронта после первой мировой войны, в деревне не остался. Женился на моей маме, и они уехали в Баку. За ними отправились брат Михаил с семьей и Мария. С матерью остался Василий с женой и двумя дочками. В период коллективизации их раскулачивали дважды. Соседям кололи глаза добротный бревенчатый дом, пчелы, ухоженный сад. Никто не хотел видеть, как работают Палатовы. У бабки, наверное, часа свободного не было за всю жизнь. Я видела ее считанные разы. Дом стоял на краю деревни. Для меня в детстве это было целое путешествие. Я боялась собак и ребят, которые дразнились: «Горочкая, горочкая!». Для них «городская» была диковиной. Ходила я в этот дом один раз в сезон. Бабка, увидев меня, гладила по головке и бежала по своим делам. Не помню, чтобы мы с ней разговаривали. Один раз я у них обедала, на моих глазах она огрела младшую двоюродную сестричку деревянной ложкой по лбу, предварительно ее облизав. Жест был классический, а вот за какую провинность была кара, не помню.

Из всех детей образование получила единственная дочь Мария. Она окончила гимназию в Инжавино. Далее все силы семьи были направлены на ее благополучие. Мальчишки отучились по 2 года в церковноприходской школе. Михаил в Баку проработал всю жизнь шофером. Мой отец стал строи-

телем. Василий трудился в колхозе, а в 1938 г был арестован по 58й статье. В правление пришла разверстка: сдать двух врагов народа. Комбед стал думать – кого. Один из соседей вспомнил: « А давайте Ваську Палатова! Он сволочь, я с ним наемдни подралСИ!». На том и порешили. Так мой дядька стал врагом народа. Конечно, драться нехорошо, с этим надо согласиться, тем более, что родичи мои с этой стороны уживчивостью не отличались, друзей не имели за перегруженностью работой, не пили, оскорблять себя не позволяли и силой обижены не были. Однако, мне кажется, что главную роль в этом решении сыграла зависть. Правление состояло из бывших бедняков, но лентяев бывших не бывает. Соседка деда Иллариона Катя-Стрикочиха, активистка и сплетница, как это следует из клички, в полдень, стоя у окна и почесывая ногу об ногу, просит:

– Михалыч, дай мерку картовки на посадку!

– Кать! – отвечает дед – У меня картошка уже зацветает, а ты сажать собираешься. Какого урожая ждешь?

– Ды, Михалыч, некогда все, никак не соберуся.

– А ты ноги–то не чеши, вскопай огород. Время-то к обеду подходит, а ты только встала.

Дядька больше не вернулся. Я всегда думала, что либо на следствии, либо в лагере, он врезал кому-нибудь из охраны и был ликвидирован на месте. Но недавно узнала, что в начале войны его отправили в штрафбат, там он и сгинул. Очевидно, «кровью не смыл», потому что семья не считалась род-

ственниками военнослужащего. Дома у нас при мне о нем не упоминали. В те времена молчание было золотом высшей пробы.

Бабушка Наталья умерла после войны, успев побывать в Перми и убедиться, что все ее труды на благо любимой дочери пошли прахом. И не от прожигания жизни, а от полного нежелания и неумения трудиться. Многократно за свою долгую жизнь я потом убеждалась, что не идет впрок добро, которое добыто другими. И даже знания усваиваются и могут быть использованы только тогда, когда их добыл сам. И оправдания, что все делается для детей и их будущего, несостоятельны. Детям, кроме вреда, незаработанные ими деньги ничего принести не могут. Копить нужно только голову, а не то, что можно отнять или украсть. Инсульт, наш фамильный финал, хватил Васильевну буквально на лопате. Как не представляла себе праздной минуты, так и закончила жизнь в труде. Царствие ей небесное!

Мои родители были родственниками. В деревне вообще их было много. Кто кем кому приходился, я так и не поняла, но до революции моих родителей не повенчали бы. Православная церковь заботилась о генофонде, хотя тогда такого слова в обиходе еще не было. Свидетельствую из первых рук – подход был правильным. Результаты нарушения его испытаны на себе. Революция освободила народ от моральных заморочек наряду с религией. Попа в Карандеевке не оказалось. Венчал причетник, который исполнял обязанности, а

заодно играл в карты и не дурак был выпить. Уважения у мамы он не вызвал, да и ее воспитательница, очевидно, излишней набожностью не страдала. Мама так и осталась безбожницей. Брак зарегистрировали и в загсе. В деревне мама оказалась, сбежав из Баку от восстания мусаватистов. После его усмирения родители вернулись обратно. Там они работали в гостиницах Анастасии Ивановны, а потом отец решил завести свое дело, судя по разговорам, а также по зеленому сукну, которое мама проветривала на чердаке, хотел устроить бильярдную. Вот тут-то НЭП и закончился, и всех предпринимателей, и крупных, и мелких, прижали к ногтю. Заодно, после десятилетнего ожидания в 1930 году, к глубокому разочарованию отца, который мечтал о сыне, родилась я. Нашла время. Надо было уносить ноги.

Пермь

Выбор Перми был случайным по принципу: чем дальше, тем лучше. Но я убеждаюсь все чаще, что случайностей в жизни не бывает. За ними стоит глубокий смысл. Просто его не сразу осознают. Да и проявляется он позже. Ну, скажите на милость, что было бы со мной, останься мы в Баку? Я была бы оккупанткой, «старшей сестрой» по аналогии со «старшим братом», что было там ругательством. Как бы удалось поступить в институт? Где бы я нашла нужную мне работу? Кто пустил бы меня в науку? Я не задаю праздных вопросов, у меня была половина Баку родственников. Я знаю все это из первых рук. Меня бы традиционно спрашивали: «Кто тебя звал? Кто тебе письмо писал?» А позже мне пришлось бы бежать, как и моим родичам, бросив все, а куда? Кто и где бы меня ждал?

Сначала из Баку в Пермь уехал Дмитрий, не знаю, чей именно, а может общий, двоюродный брат. За ним мы. Мне исполнилось полтора года. Это было мое второе лето. Первое свое лето я побывала в Карандеевке. Мама с трудом довезла меня туда. Дело в том, что, родившись, я начала орать благим матом и не могла остановиться. То ли из-за затяжных родов были какие-то неполадки, то ли в предчувствии будущих невзгод, только вопила я, не закрывая рта, все первые два месяца своей жизни. В поезде тоже. Когда меня в таком

виде мельком усмотрела баба Наташа, вынесла категорическое резюме: «Ягодка, она же у тебя некрещеная!» Многое простится ей там за эти слова! Позвали пономаря, опять же за отсутствием священника. Он окунать меня в купель не стал, очевидно, как городского ребенка, а покропил сверху, после чего я заткнулась, будто и не сводила с ума родительницу и окружающих столько времени. Так наладились мои отношения с Всевышним, но поняла я это тоже много позже.

Следующим летом мы были уже в Перми. Город в 1931 г был небольшим. Границами его был вокзал Пермь-2, Кама, Разгуляй со старым кладбищем и речкой Егошихой. Там же находился собор Петра и Павла – первое каменное здание Перми, и еще две церкви, Успенская, которую уже тогда разорили и превратили в склад, и действующая Всехсвятская. На кладбище тогда еще хоронили, но поход в Разгуляй был долгим и рискованным из-за хулиганской там обстановки. Улица Пермская в другом направлении заканчивалась высоким белым каменным забором, за которым раньше помещался монастырь. На его территории расположились какие-то учреждения, в том числе военкомат, где мы после института в 1953 году получали военные билеты.

Городская часть Сибирской улицы (продолжения знаменитой Владимирки) заканчивалась Красным садом (им. Горького). Дальше шла Слободка, частные домики с огородами и малиной, куда мы еще в 1955 году ходили в гости к нашей завоотделением Тамаре Федоровне Томсон и обедали

малинник. За местом, где теперь рынок, а тогда была барахолка, тоже шел частный сектор, как и сразу за инфекционной больницей (заразными бараками). Позднее там построят медицинский студгородок и Громовский поселок. Мотовилиха отделялась от Разгуляя оврагом, через который был перекинут деревянный мостик. По нему ходил единственный трамвай от Перми-2. Бывало, и опрокидывался в овраг. Но Мотовилиха для нас была другим концом света. По Комсомольскому проспекту, состоявшему из трехконных домишек, ходили коровы вдоль канавы с весьма качественной травой. До 19го завода (3-д им. Сталина, потом им. Свердлова) тоже было далеко, никакой транспорт туда не ходил, и рядом с ним был свой рабочий поселок. Перед постройкой завода это было самое грибное место и на охоту туда хаживали. Старая Пермь описана в замечательной книге В.С.Верхоланцева «Город Пермь, его прошлое и настоящее». Владимир Степанович издал ее впервые в 1913 г. После революции краеведение назвали лженаукой и отменили, как обычно, с угрозами и с санкциями. Вторично книга появилась в продаже в 1994 году.

Я интересуюсь прошлым города, поэтому, увидев ее на лотке, схватила сразу. Посмотрев на портрет автора, увидела знакомое лицо и не сразу вспомнила, что это наш учитель географии в моей родной седьмой школе. И еще вспомнила, как безобразничали мы на его уроках, не слушали и ничего не учили. Он носил нам альбомы, привезенные им из-

за границы, потому что при «проклятом царском режиме», учителей из глубинки в каникулы отправляли в командировки за казенный счет в разные города и страны, чтобы они видели своими глазами то, о чем рассказывают ученикам. И альбомы мы листали мельком и подсмеивались над старым очень больным человеком, не в состоянии оценить его по достоинству. В.С. был мужем директора школы Антонида Елизаровны Верхоланцевой, и под школьной кличкой «Глобус» безнадежно пытался образовать школьную шпану – выдающийся краевед, на которого теперь постоянно ссылаются специалисты. Он умер от рака, когда мы учились в 10м классе. Поздно у нас появилось чувство вины перед этим замечательным человеком. Воистину, следует знать, перед кем метать бисер. Простите нас, дураков, Владимир Степанович!

Главным экскурсоводом по городу у меня служит прекрасная книга Е.А. Спешиловой «Старая Пермь», 2003г. Иногда удается пройтись по старым кварталам, которых почти не осталось. Очень хотелось нам колбасы, а к колбасе в нагрузку, по социалистической традиции, нам продали капитализм. Древние говорили, что есть желания, которые боги исполняют, разгневавшись на нас. Вот это с нами и произошло. Пришла безграмотная, ничего, кроме своих надобностей, не ценящая хамоватая компания, которой кроме денег ничего не только не надо, но и непонятно. Это сообщество троечников. Они изуродовали город точечной застройкой, порушили даже коммунальные сети, п.ч. торопясь «урвать

кусок за счет техники», не проводят гидрологический анализ места, где строят. И стоят, как гнилые зубы, в историческом центре высотки, в которых светятся окна в трех–четырех квартирах. Они не по карману простому народу, а цены снизить – владельцев жаба душит. Вот такой результат вышел у «прорабов перестройки». Историки правильно считают, что варвары победить не могут, зато уничтожить – это обязательно.

Поселились мы на первых порах в знаменитой «Семиэтажке». Похоже, что это была тогда едва ли не единственная гостиница в городе, а уж семиэтажное здание – точно одно. Оно и сейчас остается гостиницей. Во время войны «Семиэтажка» приютила всю эвакуированную из осажденного Ленинграда к нам творческую интеллигенцию: театр им. Кирова (знаменитую Мариинку), преподавателей хореографического училища и лично Ваганову, писателей. В нашу галерею доставили в запасник часть фондов Русского музея. Несколько лет назад эти картины привозили в Пермь снова, но уже для того, чтобы устроить выставку под лозунгом: «Спасибо, Пермь!».

Оставались мы в гостинице недолго. Родители сняли квартиру вместе с братом на Пермской улице (потом ул. Кирова, снова переименованная в Пермскую) в частном двухэтажном деревянном доме под № 156, который был до революции трактиром для извозчиков. У хозяина, Федора Тимофеевича Рудометова, было 12 детей, из них 8 еще жили с

родителями.

Верхний этаж был предназначен для хозяев и представлял удобную квартиру, где была большая «зала», она же столовая, с выходом на застекленную длинную галерею. С улицы было парадное крыльцо, а со двора – черный ход, над которым во втором этаже помещалась холодная, или летняя, неотапливаемая комната, куда с наступлением тепла переселялась молодежь мужского пола. После капитального ремонта национализированного дома жилище превратилось в «Воронью слободку». Помещение над входом оснастили печкой, и туда поселилась бывшая няня и прислуга хозяев Маня. Дети ее очень любили и постоянно толклись в ее апартаментах. Весь низ, бывшая харчевня и кухня, были поделены перегородками и сдавались по отдельности.

Нам досталась кухня с большой русской печью, на которой в холодное время помещалась вся семья, и часть столовой, но с отдельным входом. В один из не лучших для владельца дома дней его известили, что с этого момента его собственность ему больше не принадлежит и переходит в ЖКТ (жилищно-коммунальный трест), который в просторечье называли «жактом», а квитанции по оплате – «жировками». В одночасье Рудометов оказался квартиросъемщиком, а жильцы, и мы в том числе, неожиданно для себя получили «жилплощадь». Эта «площадь» будет потом на долгие годы жизнеопределяющим моментом для граждан страны, как при «развитом», так и при «социализме с человеческим лицом». Ее

нельзя будет купить, продать, оставить по наследству. Можно только получить. Этого часа приходилось ждать большую часть жизни.

Оставить потомков в квартире можно было путем невероятных ухищрений. Даже живя в полученной квартире, вы не считались ее хозяевами. Вас могли «уплотнить», если число квадратных метров хоть немного превышало определенную норму. Было категорически запрещено женским консультациям давать справки о беременности для представления в ЖКТ, чтобы молодожены не получили те же метры вперед. Всю жизнь я испытывала сердечную благодарность моей однокурснице Ире Тверье, которая своей властью зам. главного врача по акушерству городской больницы приказала дать справку о беременности моей невестке и тем сохранила детям квартиру после моего переезда в кооператив. Это было в 1982 году.

Справедливость требует заметить, что квартплата была символической, но в большинстве пермских квартир, чаще коммуналок, в 30 – 50 годах ни воды, ни канализации не было. Все удобства были во дворе, в том числе и выгребной туалет. Отопление тоже было печным. Научная общественность жила по-разному. Кто-то в благоустроенных квартирах, а кто и в старых немного «модернизированных» халупах, как мои самые близкие друзья, глава семьи которых писал докторскую диссертацию ночами, сидя на доске, положенной на унитаэ – такой у него был кабинет. Привычка ра-

ботать ночами у наших учителей чаще всего вырабатывалась именно из-за отсутствия условий. Так, мой друг Миша Калмыков отвечал на вопрос о комнате в новой квартире: «общая, а когда все лягут спать – моя». У меня потом было так же.

Я как-то описала маме расположение мебели в нашей кухне, которое было в моем полуторалетнем возрасте. Она посчитала это пересказом воспоминаний старших, но когда услышала подробности, вынуждена была согласиться, что я действительно помню. Вижу, как я сижу на кухне на длинном некрашеном столе с выдвижным ящиком. На мне валенки и пуховый платок, который обвязан вокруг. Квартира угловая, поэтому холодная, и с пола дует, потому что первый этаж. Это, конечно, отрывочные картинки из раннего детства, связные воспоминания начинаются лет с четырех. Общая с соседями стена была тонкой, так что матерщина дяди Леси-сапожника стала элементом быта. Двор был большой. В нем стоял огромный сарай – бывшая конюшня – с сеновалом, который приспособили для сушки белья зимой. Я и сейчас чувствую запах простыней с мороза. Их нельзя было снять слишком рано, они могли сломаться. Надо было ждать, пока выветрятся.

Теперешнее поколение, выросшее рядом со стиральными машинами и прочей бытовой техникой, не может себе представить, чем была стирка в 20м веке в российской глубинке. Впрочем, она и теперь там такой остается. В домах без во-

допровода воду надо было наносить в двух ведрах на коромысле из колонки не меньше, чем за квартал от дома. Ее надо было согреть на печке или на керосинке, отстирать руками белье хозяйственным мылом, а потом вынести помой во двор, хорошо, если с первого этажа. Полоскать белье приходилось в речке, зимой в проруби в ледяной воде, да и из колонки было не теплее. Для отбеливания замачивали простыни в растворе марганцовки, подсинивали. Стирка превращалась в целую эпопею. Недаром наши работяги летом спали в дровяниках на сенниках или старых матрасах, чтобы не пачкать лишний раз постель.

За водой ходили к специальным бревенчатым будкам, где помещались колонки и сидели старухи. Увидев человека с коромыслом, они выдвигали деревянный лоток, куда надо было положить копейку – плату за «дружок» (два ведра), после чего включался насос внутри избушки, и ведра наполнялись водой. Другие монеты принимались со скандалом. Будки были главным топографическим ориентиром для детей. Ходили гулять по улице «до поводы» или «на обокружку» (вокруг квартала). Проезжая часть улиц была немощеной. После машины или телеги долго стояла густая пыль. Тротуары покрывали дощатым настилом. Дерево в нашем климате быстро гниет, и возникала опасность сломать лодыжки или получить оторвавшимся концом настила в лоб. Особенности сложности начинались при попытке попасть во двор. В калитке зимой всегда была ледяная горка – нести

ведра на коромысле, не расплескав, не удавалось, особенно на повороте. Вода сразу замерзала. А после и без ведер пешеходы выделывали такие замысловатые антраша, что позавидовали бы наши балерины. Чаше мы все-таки падали. Летом тоже бывали проблемы. Моя одноклассница, Вера Колокольцева, жила в доме, который стоял на месте теперешней Эспланады. Там до морозов во дворе стояла огромная лужа. Через нее все население переправлялось на корыте, которым часто с удовольствием управляли ребятишки.

Туалет представлял собой «скворечник» с «очком» или несколькими в дальнем углу двора. Хуже было, если он был пристроен к дому, п.ч. содержимое выгребной ямы пропитывало подвал и нижний этаж, а ассенизаторы, или как их называли, «золотари», появлялись весьма редко.

Продукты в холодное время хранились за окном в подвешенном на веревочке состоянии, откуда их нередко экспроприировали как ловкие сограждане, так и коты. У моих друзей рыжий Марсик регулярно приносил домой колбасу или рыбу, и хозяйка ходила по квартирам с вопросом: «чье?» В частных домах, а у нас в подвале сарая, были ледники, куда еще в марте набивали и утрамбовывали влажный снег. Холод сохранялся почти все лето. Мы, готовясь к экзаменам у нас дома группой, лакомились квашеной капустой с ледника. Готовить ее большой мастерицей была моя мама.

На заднем дворе у нас стоял небольшой двухэтажный флигель, принадлежавший пожилой женщине—врачу Агафье

Павловне с мужем и двумя детьми, Ниной и Сашей Никитиными. Дом не национализировали. Его окружал сад, казавшийся мне большим. В саду было много цветов и очень красивый с деревянной резьбой колодец, которым пользовались для полива, но он был уже очень ветхим. Ребята любили в нем прятаться во время игры, несмотря на строжайшие запреты. Сразу была видна разница между личной и общественной собственностью. Наш двор был вытоптан и представлял собой унылый плац, огороженный дровяниками. Эти строения были многофункциональными. В них спали летом, в войну держали живность, устраивали мастерские, дети держали там кукольные домики («клетки»), на их крышах загорали летом и прыгали с них в сугробы зимой. Эта забава была небезобидной. В пятом классе мы хоронили нашего товарища Толю Васильева. Он был эвакуирован без родителей с знакомыми семьи. Во время прыжков с крыши он напоролся на острый кол и умер после операции через двое суток. Это была первая смерть сверстника, которую мы очень тяжело пережили.

Наш дом был типичной коммуналкой. У соседей была общая кухня, которой перестали пользоваться из-за одной жилищки, неистощимой на пакости. Она и сумела выжить всех. Готовили у себя в комнатах на керосинках и примусах, а зимой в голландских печках. Коммуналки описаны и в прозе, и в стихах многократно. Однако, нет в природе ничего абсолютно плохого или хорошего. Так и в человеческом обще-

стве. Была определенная польза и от такого способа существования. Женщины, особенно в войну и после, вынуждены были работать. Многие остались военными вдовами. Появились матери-одиночки, что после колоссальных людских потерь прямо поощрялось государством. Перед родами и после полагалось по 2 месяца декретного отпуска, а там на – службу. Уволиться с работы было невозможно.

Маму, например, отпустили только тогда, когда она вышла на инвалидность, заработав гипертонию и язву двенадцатиперстной кишки. Дети подолгу оставались одни. Из школы малыши приходили с ключом от квартиры на шею. Могли потерять, часто не могли открыть дверь. Дома – никого. Суп, если есть, холодный. Разжечь керосинку для ребенка задача непростая, даже опасная, затопить печку – еще сложнее. Вот тут на помощь всегда придет тетя Катя Соловьева. Она поможет согреть еду, а когда и своего супа нальет, велит уроки сделать и гулять отправит.

Однажды во дворе собрались чуть не все жильцы. В окне второго этажа сидели, плотно прижавшись друг к другу, двое ребятишек четырех и шести лет, Галя и Юра Глушковы, которых мама закрыла на замок, уходя на работу. Они отчаянно кричали: «Спасите нас! Там мышка, самделишная, шерстяная и с хвостиком!». Народ серьезно перепугался – ребята могли выпасть из окна, а как было успокоить? Насилу уговорили и караулили, пока мама не пришла.

Не помню случая, чтобы наша тетя Катя не принесла та-

релку стряпни, когда она заводила тесто. А в Перми «пустую тарелку ворочать» не полагалось, так что обратно ее несли тоже с чем-нибудь съестным. Двор был интернациональным: русские, евреи, татары. По праздникам делились и национальными кушаньями. Правда, долгое время, пока действовал запрет на многие даты, не было видно ни куличей, ни мацы.

И еще важная деталь – ребячьи игры. Каждый вечер дети всех возрастов выходили во двор. Зимой санки, ледяная горка «катушка», лыжи, снежная баба. Катки во дворах заливали редко. Мальчишки на «снегурках», прикрученных веревкой к валенкам, предпочитали цепляться крючьями за проезжавшие грузовики-полуторки. Это было опасно, были серьезные травмы, однако запреты и ругань никого не останавливали, как и катание на «колбасе» позади трамвайного вагона.

Летом играли в прятки, сыщики-разбойники, двенадцать палочек, лапту, городки, позже в волейбол. Из всех окон взрослые болельщики и судьи оценивали результаты, поощряли, осуждали, разрешали конфликты. Правила игр были довольно сложными, требовали ловкости, сноровки, сообразительности, честности, умения быть в команде. Воспитывалась и справедливость. Драка была всегда один на один. А «схлыздить» было себе дороже, позору не оберешься, да и потом играть не возьмут. Тренировка была ежедневной, это вам не два урока физкультуры в неделю в ослабленной груп-

пе.

Малышня путалась под ногами, но уже присматривалась к будущим сражениям. И потом, выросшие мои однодворцы показали, чего стоило такое дворовое воспитание. Когда мама с моим маленьким сыном вынуждена была несколько месяцев прожить в нашем доме без меня, ей ни разу не дали сходить за водой. Как только кто-то видел у нее в руках ведра, немедленно забирали и приносили прямо на подставку. Наши соседи Глушковы каждый вечер приходили поиграть с моим маленьким сыном. Когда у них родилась своя внучка, они стали появляться реже. И мой ребенок перед своим трехлетним юбилеем на вопрос, что он хочет в подарок, не задумываясь, ответил: «Тетю Клаву и дядю Васю!».

Важную воспитательную функцию выполняли дрова. Пилили бревна двуручной пилой. Для этой цели нужен был напарник. Помощники были не только из числа родственников, но и из свободных соседей, в том числе из старших ребят. Когда кто-нибудь видел, что подросток идет мимо одинокого пильщика с бревном на козлах, раздавался удивленный и укоризненный возглас: «Ты что это? Не видишь, что дядя Шура один пилит?» Это было немедленным приказом к действию. Складывать поленницы привлекали детишек и помоложе. Это было нормой.

И теперь, когда я иду домой между многоэтажками и вижу толпы машин, которые только в подъезды еще не проникли, то начинаю сомневаться в полезности прогресса. Конечно,

вода, даже горячая, теперь «в стене», дрова не надо пилить и колоть, свет зажигается движением пальца, чайник кипит за 3 минуты. Но мы не знаем соседей даже на лестничной площадке. Детей во дворе нет. На детской площадке стоит джип. На газоне в два ряда иномарки. Где бы могла играть детвора? Наше будущее сидит, уткнувшись в компьютер. Виртуально бегают. Ловят. Стреляют. А подтянуться на турнике не может ни разу. И говорить разучилось. Не с кем и негде и надобности нет.

Даже обыкновенная драка получила характер нападения шакалов – вдесятером на одного. И какую же мы хотим получить армию? Ведь в 20 веке про хулиганистых ребят говорили: «Вот подожди, сходит в армию, человеком вернется». И правда, возвращались людьми. Желаящие учились во время службы. Это поощрялось, им создавали условия. А офицерский состав занимался воспитанием и обучением солдат, а не поручал это уголовникам для облегчения своих обязанностей. Их устраивает дедовщина, и именно они ее поддерживают всеми способами.

Кстати, с судимостью в армию не призывали, и это было сдерживающим началом для молодых парней. Они боялись попасть в поле зрения милиции. А не сходить в армию было стыдно. Особое значение военная служба имела для деревенских ребят. Они после демобилизации получали паспорт. Следует напомнить, что в России крепостное право закончилось не в 1861, а в 1964 году, когда колхозникам, наконец,

стали давать паспорта. Армия была выходом для парней, а девочек мы спасали другим способом: устраивали прислугами в 15ти летнем возрасте. Порядочные хозяева прописывали их, обычно позволяя учиться по вечерам. В 16 лет девочки получали паспорт и либо оставались еще поработать, либо уходили в общежитие и уже устраивались по своему усмотрению.

В эпоху социализма было немного коротких периодов без тотального дефицита. Чаще всего полки магазинов были пустыми. В моем раннем детстве их заполняли решетками, коромыслами, кукольными головками из папье-маше. Я пишу это без всякой иронии. Однажды мне такую головку купили, а я ее уронила по дороге и горько плакала. Все это я уже отчетливо помню. Дома к такой головке пришивали туловище и конечности, одевали в платье, и получалась кукла. Вероятно, и здесь было рациональное звено – учились выходить из любого положения, и развивалась творческая жилка.

Я вспоминаю, как во втором классе дома у моих подружек Казаковых мы устроили целый кукольный театр в табуретке, где разместили сцену, сделали кукол из проволоки, бумаги и тряпок, занавес – из платочка, а освещение из лампочки, вставленной в отверстие на сидении. И поставили андерсеновского «Свинопаса». Потом для представления себе сшили костюмы из старых газет. Это было, когда мы учились в начальной школе.

Для приема гостей или праздника надо было суметь ис-

печь торт без масла, или без яиц, или без сахара и даже пироги без муки, для чего брали вермишель, долго растворяли ее в воде, добавляли дрожжи, получалось тесто, а далее – по алгоритму. При плановом хозяйстве никогда нельзя было предугадать, что исчезнет завтра. В войну мы делали торт из тертой морковки и украшали его морковными же кружочками.

В редкие периоды относительного благополучия все было на высоте. Я с ностальгией вспоминаю моих знакомых и друзей – коренных пермяков. Это была целая культура. Народ основательный, немногословный чрезвычайно порядочный. Недавно я прочла очень интересную книгу Е.Туровой «Кержаки», и мне пришло в голову, не было ли их среди моих знакомых. Узнать это было невозможно. Принадлежность к определенному слою общества, тем более к религии, тщательно скрывалась. Об этом нельзя было даже спрашивать. Кроме того, Пермь издавна была «местом не столь отдаленным». В нее несли свою культуру не только преступники, но и выдающиеся люди. Получилась удивительная смесь. Я имею в виду так называемый средний класс и интеллигенцию. Вся эта цивилизация невозвратно ушла, еще раз претерпев изменения во время войны, когда в эвакуацию к нам вынесло волну новых людей, части из которых уже некуда было вернуться, и они остались в городе.

Кондовые пермяки отличались редкой чистоплотностью, что при отсутствии удобств удивляло. Квартирны их или из-

редка собственные небольшие деревянные дома выделялись и укладом, и архитектурными деталями. Были обязательно парадный и черный ход. В «парадном» строгий порядок, иногда допускался в уголке кукольный домик, но там тоже было все в идеальном состоянии, иначе тут же уберут. Так девочек учили хозяйничать с малого возраста. Лестничные пролеты сквозные без площадок, как бы высоко не было. Влезать на второй этаж по прямой было нелегко.

Чаще всего низ дома был кирпичным, там квартировали жильцы, верх, обычно деревянный, для хозяев. Окон много, несмотря на холодный климат. Рамы двойные, вторые приходилось вставлять на зиму с украшением между ними и ватой для впитывания влаги. Сначала их укрепляли замазкой. Только после войны стали лепить на щели бумагу на клейстер. Весной замазку отбивали, выставляли раму и убирали в кладовку. Это тоже был ритуал. Печи обычно были белеными, изразцы я видела редко.

В Соликамске в одном из домов мы видели изразцовую печь 18 века, очень просили ее музейщики у хозяйки, но она не соглашалась. В кухнях везде были русские печи. Только в войну приспособились готовить в «голландках», чтобы топить меньше. Благо, варили по минимуму. В гостиной («зала») обязательно была небольшая арка у потолка, которая символично отделяла часть комнаты. Это в квартирах у жильцов обеспеченных. В деревянных домах, а особенно в коммуналках, избавиться от кровососущих и тараканов не

было никакой возможности. Прошу прощения за такие подробности, но это было в нашей молодости бичом. Наша комната была угловой и довольно холодной, а мама стояла на страже без смены, поэтому в Перми эта напасть нас миновала, зато в Питере борьба шла до последнего патрона. Часто там вызывали бригаду из санэпидстанции, правда, с кратковременным эффектом.

Квартиры, что отдельные, что коммунальные, были тесными. Когда собирались гости, на две табуретки укладывали доску, получалась лавка. Выйти во время трапезы можно было только босиком по доске или дивану за спинами сидящих. Чаще всего одалживали у соседей посуду и стулья, если их было куда поставить.

На столе не должно было оставаться свободного места. Все необходимо было приготовить своими руками. Оценка способностей хозяйки производилась по качеству квашеной капусты, которую, кстати сказать, совсем не просто сделать, а также по обязательным 6-ти разным тортам, ни больше, ни меньше. И боже упаси, если появится на столе магазинная продукция. На нее никто даже и не посмотрит, а на вопрос домашних: «Ну, что там было?» ответ будет: «А ничего не было». Еще один эталон оценки хозяйки, конечно, пельмени. Но это уже дело семейное. У каждого своя специализация: один месит тесто, другой режет кусочки, третий «скет», четвертый лепит. Три вида мяса – свинина, баранина и говядина – должны быть порублены сечкой в деревянном коры-

те и разведены водой до такой консистенции, чтобы мясная масса за сечкой тянулась. Лепили по норме: 100 пельменей на гостя. Других яств к пельменям не полагалось. Чай подавать сразу после основного стола было неприлично. Это рассматривалось, во-первых, как жадность, т.к. сладкого в этом случае останется много, а во-вторых, как сигнал расходиться по домам. Съесть все даже голодные гости не могли, поэтому напутствие уходящим было: «Завтра приходите доедать!» Естественно, приходили и доедали. Как наши тетки умудрялись готовить угощение при отсутствии ресурсов – это еще одна загадка русского человека.

Пермяки никогда ничего не говорили зря. Ты мог пожаловаться на какую-то плохо разрешимую проблему. В ответ не говорили ничего, в отличие от южан, всегда громко обещающих «семь верст до небес, и все лесом». И если они могли чем-то помочь, то на следующий или другой какой день, так же молча, приносили необходимое. Самое близкое мне семейство Калмыковых относилось именно к такому типу человечества, и, общаясь с ними, ты чувствовал защищенность от житейских бурь, хотя никто из них не был властью облеченным.

А бурь было много, начиная вообще с жизнеобеспечения. Первые продовольственные карточки я помню в своем четырехлетнем возрасте. Мама везет меня в санках, закутанную в шубку и шаль. Санки соседские («пошевенки») с бортиками. На ноги мне больно давит мешочек с мукой. Мы получили

ее по карточкам для всей семьи. С тех пор талоны и карточки – главный атрибут существования на долгие годы. К нам «понаехала» жена Дмитрия, которая не работала. Они с мужем жили в комнате, а мы втроем, еще сестра отца Мария и племянница мамы Дарья, которая почему-то просила звать ее Галиной, из Карандеевки, ютились на двадцатиметровой кухне. Отец с двухклассным образованием поступил в строительный техникум. Девушки тоже пошли учиться, а мама снова оказалась прислугой, правда, с решающим голосом, но и исполнять директивы приходилось тоже ей. Она была патологически чистоплотна и ответственна. Молодежь делать по дому отнюдь не рвалась и предпочитала после учебы отдохнуть.

Мама не терпела беспорядка, потому всю работу делала сама. Попытки протеста снова ни к чему не привели. Основным аргументом, как всегда, был: «Ты же не работаешь!» Однако, когда при попытке устроить меня в садик при хлебозаводе, где отец тогда трудился, ее усиленно стали звать в завхозы, и где было бы ей самое место, отец запретил ей категорически. Обоснование было уже известное: «Которые работают, они все «нечестные»! Вот ведь чем всю жизнь пугали маму, а она из дома могла выйти только за луковицей к тете Кате через коридор или в очередь за продуктами. И в садик меня не отдали, о чем я до сих пор жалею. Мне было бы намного легче адаптироваться в школе.

Еще в двухлетнем возрасте я перенесла тяжелую болезнь.

Дмитрий где-то раздобыл крайне дефицитный тогда балык. Маме надо было отлучиться. Она строго настрого запретила давать мне эту очень жирную рыбу. Естественно, меня тут же ею угостили. Когда мама вернулась, меня уже рвало. Потом начался понос, и температура поднялась до 40 градусов. Через 2 дня я начала умирать. На извозчике привезли профессора Пичугина, самого известного в Перми детского врача. Он назначил лечение. Оживала я долго. Мне удалось поблагодарить его, когда он читал нам на 5м курсе детские болезни.

В 1936 году в Пермь пришла скарлатина. Эпидемия была страшная. Умирало 30% детей. Осложнений было огромное количество: глухота, нефриты. Заболевших с милицией забирали из дома в «заразные бараки» (инфекционную больницу), потому что родители протестовали против госпитализации и боялись больницы, но при той скученности в жилищах, которая была в то время, изолировать больных другой возможности не было. Я, конечно, не могла упустить такой шанс и заболела немедленно. Мама упростила участкового врача, и меня оставили дома – в квартиру был отдельный вход. Лежала я 40 дней – такой был порядок. Когда встала на ноги, то не смогла ходить, пришлось учиться заново. Но от осложнений меня уберегли. А теперь со скарлатиной сидят дома 12 дней, а дальше – в садик или в школу. Так поменялся характер инфекции: цикл развития стрептококка и клиническая картина.

Когда Дмитрий с женой отбыли назад в теплые края, а девицы получили среднее образование и тоже разъехались, мы ненадолго остались одни, но вскоре в кухне поселилась тетька Нюра Чалова с отцовской работы, которая, как теперь понятно, спасалась в городе от раскулачивания из своего Карагайского района. Ее и приютили мои родители. И это обстоятельство имело далеко идущие последствия. После войны мы летом поехали отдыхать в село Ошмаш под Карагаем, на родину тети Нюры, где ее сестра, неграмотная деревенская бабулька, вылечила меня от первого приступа язвенной болезни редькой со свежими сливками, только что пропущенными через сепаратор. Кстати, свидетельствую, средство действенное и на себе проверенное.

А много лет спустя мама приютила на время окончания техникума их отвергнутую родными молоденькую девицу с новорожденным ребенком, которую угораздило стать матерью-одиночкой в самое неподходящее время. Она была как раз из спасенных из деревни девчонок, которые прошли путь от домашней прислуги. Дружба с ошмашинскими продолжается до сего времени. Мы много лет отдыхали в Ошмаши летом. И, сказать по правде, не знаю я мест прекраснее, чем окрестности Карагая. А недавно ко мне пришел пятидесятилетний дяденька с лысинкой и предъявил свою фотографию, где он в четырехмесячном возрасте у меня на руках. Это был тот самый младенец, которого моя мама пестовала, пока его родительница сдавала экзамены и писала диплом в технику-

ме. Еще он показал фотографию своего коттеджа в Ошмаши и пригласил в гости, за что ему большое спасибо.

Жили мы там обычно в амбаре, а позже – в новой избе. В этих краях, изобиловавших лесом, на стройматериалах не сэкономили, не то, что в Тамбове. Заборы были из бревен, а не плетни. Рядом со старой избой заранее ставили новую. Она стояла пустой до тех пор, пока не разрушалась первая. Тогда переходили в уже готовую. Удивила меня архитектура: одно помещение с печкой посередине. Полати. Лавки по краям. На них спали под шубами. Признаков белья не отмечалось. Летом ночевали на сеновале. Туалетов тоже не было. Все надобности справлялись с заднего крыльца – «с моста» – или в коровнике. Бани топились по-черному. Мыла после войны в деревне не было. Мылись «щелоком», т.е. настоек золы. Нищета была отчаянная. Кормились со своего участка. Были куры, и выкармливали поросенка, петухи нападали на прохожих и пребольно клевались, а поросенок кусался. Набор овощей был тоже ограниченный: картошка, лук, редька, морковка, свекла и репа. Была грядка с огурцами и капустой. О помидорах не было и помину. Выращивать их не умели и долго не признавали. Ягодников около домов не было тоже. Ходили далеко за малиной и смородиной. Типичный вопрос того времени:

– Ну, которы из вас поедут на гомновозке в Поломишше по малину? (муж нашей хозяйки в колхозе возит жидкий навоз в ассенизационной цистерне).

Почему было не посадить кусты рядом с домом? Кстати, обязательно вырубали все деревья около избы, чтобы огород не затеняли. Удивляло, что к Пасхе никто не пек куличей, ели шаньги. И еще был один деликатес – рыбный пирог. Тесто было из ржаной муки грубого помола. В нем запекали непотрошеную рыбу целиком. Ели только рыбу, а корку бросали в окно на радость курам. Река Обва, тогда не загаженная, с настоящей речной водой и обильная рыбой, как магнитом привлекала к себе деревенских ребят. Они там пропадали с удочками. Улов был подспорьем в хозяйстве. Еще одно лакомство поставляла черемуха. Это тоже было ребячьей обязанностью. Моя благодетельница бабушка Прасковья, умница и воспитатель от природы, командовала внукам:

– Левонид, Аркадей (кондовые пермяки звались исключительно полными именами в любом возрасте)! Натягуйся, черемуху бруснуть! Хошь за час, хошь целной день, набруснешь – слободный будешь. Можешь удиться!

Тюеса наполнялись. Мальчишки 7ми и 9ти лет являлись, придерживая разорванные на дереве штаны, сдавали норму и мчались на речку. А из сушеной и размолотой черемухи пекли очень вкусные лепешки, похожие по вкусу на миндальное пирожное. Купить молоко у хозяев мы не могли. На шестерых детей и налоги молока не хватало им самим. Налоги были настолько грабительскими, что концы с концами не сходились. Так что наша плата за постой была тоже как нельзя кстати. Позже селяне ездили в город, покупали там масло

в магазине и сдавали его «на налог», потому что накопить его в нужном количестве от одной коровы было невозможно. Все это остроумно, но не совсем нормативно, комментировала хозяйка Клавдия Васильевна Томилова. Диалект в Карагае тоже был оригинальным.

– Мама, тамо Танька Ванькина на Фонарике! (Татьяна Ивановна едет на лошади по кличке Фонарик).

– Ты куды с сеном? Давай ко мне. У меня наверху просто! (пустой сеновал, «слободний»).

– Там ребенок плачет!

– И че? Толше будет! Шкурка на заборе не повешатся! Лико це! Ни одна шкура нету!

Надо заметить, что «повешай» неистребимо в Перми до сих пор во всех слоях населения. Так и режет ухо, когда разодетая дама говорит продавцу: «еще свешайте мне масла сто грам и рожков полкило».

– Какая погода сегодня будет?

– А которо-то одно: дож ли, ведро ли. Ободняет, дак видно будет. Этта зимусь надьсь снегу-то чо было! А летось-то опеть дожжало. Дак сегоды, тожно, эк же будет. У нас бают: один год зима по лету, другой – лето по зиме, а третий – само по себе. А вы тут че, зябете?

– Баба, тамо морок (туча).

– Айдате, почайпьем! – «чайпить» и в городе было глаголом («мы уже почайпили»).

Предпочтение какого-нибудь блюда отмечалось словом

«уважаю». А если еда была «не очень», то утешали: «горячо сыро не бывает!».

– Я уж больно губы (грибы) соленые уважаю, больше коровяк (белый).

Сидящим за столом говорили «приятный аппетит» и получали в ответ «нежевано летит». Чай пили подолгу, «впродолжение».

Глаголы употреблялись тоже своеобразно: «я стираюсь», «мы убираемся», «че на уроке жуешься?». Окончания произносили по написанному: «идем кататься, заниматься». И визитной карточкой пермяка было: «будешь Яички есть?» Остается неисправимым «лОжить», «болит коленкО», «вехотка» (мочалка), «резетка» (розетка) и точный термин для лентяев: «неработь». Неприбранную девицу величали «страминой». На рынке не торговались, а «рядились». В детском саду воспитательница командовала: «положите руки взад».

Семен Юлианович пришел в восторг, глядя на дедулю, который на пристани ногой пинал мешок с арбузами и безошибочно доставал подгнившие. Шеф спросил, как он определяет качество вслепую, на что эксперт ответил: «А по ём видно!». Через мешок.

В деревне был настоящий диалект:

– Нать-то, девки, я домой пойду. И вы полезайте в избу, (двери были низкими, чтобы не выпускать тепло, входить надо было согнувшись).

– Ну, гуляйте к нам! – приходите в гости.

– Гуньку-ту скидай (снимай одежду), и я стану разоболокаться (разденусь).

– Посидим посоветовам (побеседуем) с имя, да чё да.

– Не веньгай, давай! Болит – дак ко врачу ходи! Нет? Ну, тожно, сиди, не керкай.

– Ну, чё у вас, ребя? Эко место дров-от! Не горе! Напилим, беда делов! Двое-трое не как один! Надысь у Васьки шибко баскую (хорошую) поленницу слОжили.

– Эх ты, бесцетной! – (бестолковый, не знающий счета).

– Кольку-то погаркай давай! – (позови).

– Ты тамо ково робишь? Ково с него справляшь? – (что от него хочешь?)

– Поросенок-от за оградой (на улице)! Кто выганивал? Имайте давайте скорЯе!

– Тамо варнак (бродяга, разбойник) литовку (косу) насылал (предлагал). Нать-то ворованная! – (В деревне сразу после войны дома не запирали).

Меня снисходительно поправляли: не «за водой» ходить, а «по-воду» (за водой далеко уйдешь).

– Ты сбрендил, ли чё ли? Чижало ведь! Наджабишша! Чё кожилиться-то! (надрывать – в двух вариантах). Кольку-ту вовсе уханькали! И чё к чему?

– Не сепети! (не мельтеши, не суетись). Пропало уж, дак чё ереститься-то?

– Ты свое бери, не попускайся!

– Це-то ся, девки, пристала я! Седу, полежу маленько!

– Лихотит меня че-то! (тошнит). Ономясь наелся, как дурак на поминках!

– Ты пошто Ваську-ту надьсь стювал? (воспитывал, ругал).

– Дак с отцом этга зубатил! (спорил, дерзил). Воссе ровно дикошарый! От ума отставил!

– Это кто пилу эк-то изнахратил? (испортил). Отдай деду Ваське, он изладит.

Байка от моих соседок: молебен в маленькой деревеньке. Мужиков мало. Молодой парень звонит в колокола, снизу ему кричат:

– Слезай скоряе, давай! Пора иконы несть!

– Вот ишо! Звонял, а теперя иконы неси! Насл бы я на их! В более мягком варианте звучало бы «наплеваю я имям».

Как тут не вспомнишь пушкинское: «У нас мужик поминает имя божье, почесывая свой зад».

В городе во время застолья деликатно угощают: «получайте, давайте!». В ответ можно было услышать:

– Ну-к чё ты ему навеливашь!

– Эй! Пошамали уже? – в смысле, поели.

– Это чё он?

– Дак пал назад себя! Сколь ему говорено, дак ведь пишшит да лезет! Ну, и навернулся снова!

Сцена в клинике. Доктор докладывает больного:

– Пациент пал назад себя, получил сотрясение мозга. –

Заведующий:

– Вы хотите сказать, что больной упал на спину? – Возмущение.

– Ну, знаете что? Я русский человек и буду говорить по-русски!

– Опеть ичет (икота)!

– Ну долго вы там вошкаться (возиться) будете? – А хорошо скоро не бывает!

– А он полешки-те кидат, дак почем зря! Вы там робите ли нет ли? Мотор-от у вас уросливый (капризный).

– Ну че ты разостраивашься? Наплюнь! Все нарормально! Не две горошки на ложку.

– Ты чё как та бабка? Ходила по рынку, хотела купить погано ведро, дак не продавали!

– Возьми и мне заоднем!

– Че-то ся вся не могу, всяко место болит и голову обносит!

– Сколь ты знашь, дак я столь забыла!

– С грязи не треснешь, с чистоты не воскреснешь!

– Ты просись к Нюрке на квартиру. Она шибко обиходная (чистоплотная).

Вместо «да» говорили «ну». Кондуктор в трамвае: «Чё, все усялися? – Ну!»

Бабулька на пристани, увидев толпу народа, изумилась:

– Ну я-то к доцере еду, а эти-те куды потарашшилися?

Там я впервые услышала определение «расшеперилась».

Оно относилось к курице, которую наша хозяйка привязала за ногу к гнезду, потому что она не желала высидеть цыплят. Кура растопырила перья и квохтала. В Тамбове сказали бы «раскрылилася». Кстати, термин этот, как и «наджабиться», прижился в нашем хирургическом арго:

– Расшеперь-ка мне вот здесь! Хорошо, теперь вижу! А у парня в третьей палате ребро сломано или наджабил только? Имей в виду, тебе операцию в третью очередь поставили. Не наджабишься?

Учащаяся молодежь вполне могла на полном серьезе сообщить, что «сначала ножницами, а потом пальцами выделяли». А один из орди наторов обратился ко мне с таким заявлением:

– Людмила Федоровна! Во-первых, у Вас на чушке (на подбородке) яйца (не стерла следы яичницы), а во-вторых, Вас внизу вызывают.

Мой однокурсник назначал микстуру по одной хлебальной ложке три раза.

Про человека, который держится за привычку, говорили:

– Привыкла собака за возом бежать, дак и за пустой телегой трясется.

Своеобразная культура была даже в самой глубинке. Уже взрослыми мы поехали в гости к родственникам наших друзей. Их двухэтажный дом стоял на берегу Камы около переправы у Оханска. Был какой-то праздник. Собралась родня. Когда все уже были за столом, в комнату вошла моло-

дая женщина с двумя девочками 4 и 6 лет. Одеты они были чисто, но по-деревенски. Платочки завязаны под подбородком, длинные до полу юбки, самодельные сапожки. Девочки стояли как по команде. Мама тихо сказала: «здравствуйте!» Дети хором завели: «Дядя Ваня здрасте, тетя Нина здрасте» и так ко всем по очереди. Затем последовала команда: «садитесь». Сели на отведенное им место, ели аккуратно, изредка поглядывая на мать. Та управляла только движением бровей. За все время застолья дети не сказали ни слова. Когда стали вставать из-за стола, родительница так же тихо произнесла: «обиходьте сами себя». Девочки вытерли рты платочками и снова по порядку проговорили каждому взрослому «спасибо». А еще говорят «деревенщина»!

Еще в Ошмаши был дивный по красоте, какой-то чистый и домашний, лес с изобилием грибов и ягод. Таких «мостов» из маслят, рыжиков, порослей красноголовиков, белых мне больше не приходилось видеть нигде. И такой мир и покой наступал в душе, когда удавалось пройтись по «голешнику» – косогору с чудесным видом на округу – и заглянуть под знакомую елку за белым грибом!

Теперь пора вернуться в тридцатые годы. Карточки первый раз отменили в 1935 году. Со снабжением лучше не стало, но на короткий промежуток времени кое-какие продукты в магазинах появились. В Центральном гастрономе на улице Карла Маркса (Сибирской) был колбасный отдел, где упоительно пахло настоящей колбасой. Мама водила меня

гулять в Комсомольский сквер перед театром. Она иногда покупала мне кусочек чайной колбаски граммов на 50, укладывала его на хлеб и угощала меня во время прогулки. Хлеб я считала издевательством над моей личностью. Такой деликатес, как колбасу, есть с хлебом – это кощунство, в этом я была убеждена. Фруктов в Перми в эти времена в продаже не было ни в магазине, ни на рынке.

Конфет в доме у нас не было тоже. Средства были весьма ограничены. Много лет спустя я узнала, что мама до смерти любила сладкое. Когда я начала работать и нужда отступила, она конфеты есть уже не стала. Я была к ним совершенно равнодушна, и, на мое счастье, ела вообще очень плохо. Мама даже носила мой суп к соседке, тете Кате, и просила ее угощать меня им под видом своего. Впрочем, номер этот обычно не проходил. До сих пор я не переношу, когда детей пытаются кормить насильно. Как и мне, это выйдет им боком. Мама была тяжелой язвенницей, и некому было объяснить, что мой плохой аппетит был предвестником болезни, ею же мне по наследству подаренной. Организм укрепляли с помощью рыбьего жира, политого на корочку черного хлеба. Частые боли в животе объяснялись «засорением желудка» и лечились касторкой. Можно не объяснять, что я думаю по этому поводу? Впрочем, и очень хороший аппетит тоже не всегда признак здоровья.

Не могу не вспомнить сценку, рассказанную моей подругой-педиатром. Она приехала в Одессу с маленьким сыном.

На пляже рядом с ними тетенька типа «что поставь, что положи» открыла чемодан, набитый продуктами, и начала кормить своего весьма упитанного дитятю без передыху. Когда она завела его в воду и там принялась совать ему виноград, сердце педиатра не выдержало.

– Вы бы дали ребенку хоть немного отдохнуть. – Дама обернулась и подбоченилась:

– Женщина! А это ваш ребенок?

– Да!

– Так он же у вас синий!

Всеобщее внимание пляжа. Собрались и ушли домой. Подобная гастрономическая ассоциация с тощим магазинным цыпленком у мамыши вполне закономерна. Только вот когда ее ребенок впоследствии начнет ходить по врачам разных специальностей, в том числе к диабетологу, она будет винить кого угодно и уверять, что уж она-то сделала для сына все, что могла. И будет абсолютно права.

Не помню, как я научилась читать. Во всяком случае, буквы я не учила. Мама на рынке завела знакомство в газетном киоске, и ей киоскерша оставляла вновь поступившие книжки из серии «Книга за книгой». Это были брошюрки толщиной в простую тетрадку за 10 копеек того же формата по той же цене. Издавалась вся доступная детям русская и зарубежная классика: рассказы Л.Толстого, Горького, стихи Пушкина, Лермонтова, Фета, Майкова и др. Я и сейчас ощущаю запах свежей типографской краски с мороза и вижу, как мама

достаёт новую книжечку из сумки. Я сажусь к ней на колени. Она начинает мне читать, медленно, с запинками, остановками. Я смотрю в книгу. Шрифт крупный, картинки отличные. Вскоре я набралась глазной грамотности и стала читать самостоятельно.

Благодеяние продлилось недолго. Полки в магазинах скоро опустели и появились многоквартирные очереди за маслом, сыром, рыбой, мясом. На ладонях и выше писали чернильным карандашом номера. Брали с собой всех детей, своих и соседских. И знаменитое «больше одного кило в одни руки не давать!» стало девизом на многие годы вперед. За 200-граммовым брусочком сливочного масла можно была простоять целый день и прослушать все скандалы на тему: «вас тут не стояло». Это если отойдешь ненадолго. В войну очереди закончились, потому что стоять было не за чем. Ввели карточки, и всех прикрепили к магазинам. Однако и тогда мы подпирали стенки у своего «распределителя» в ожидании «чего выбросят». На «жиры», «сахар», «мясо» (талоны в карточках) – лярд (жир неясного происхождения) по ленд-лизу, старые пряники непонятно из чего сделанные, или, – великое счастье – американскую тушенку, которая, как я теперь думаю, послалась в качестве гуманитарной помощи, но это было уже в конце войны. Очереди стали знаменем нашего поколения. А проходя мимо бывшего распределителя, теперь это кафе в фельдшерском колледже на площади Уральских добровольцев, я каждый раз вижу себя двенадцати

тилетней на ступеньках до сих пор.

Социализм пополнил русский язык своей специфической терминологией. Товары были дешевы – ситец стоил 80 копеек за метр, а хлеб 15 – 20 копеек. Его тогда взвешивали, и всегда был еще довесок, который я называла «привесок», но ничего, кроме хлеба, в свободной продаже не было, и знакомые слова получили новое употребление. Вместо «продать» – «давать» или «выбросить». Вместо «купить» – «взять», чаще «достать», а карточки «отоварить». Вместо «зарплаты» – «получка». Обязательным предметом «на выход» стала «авоська» – сетчатая сумка по прозвищу «нихераська». Она в сложенном виде помещалась в кармане (вдруг что-нибудь попадет по дороге), а при добыче приобретала достаточный объем. «Доставали» и продукты, и промтовары через «задний кирильцо», у кого был «блат».

Абсолютно типичный случай – покупка мною паласа. Мама очень хотела что-нибудь на пол. Напарник по работе попросил помочь мне свою кузину, которая была заведующей отделом небольшого универмага. Я получила приглашение приехать к определенному часу. Мама напросилась со мной – у меня вкуса нет, куплю не то. В магазине начальница отвела меня в сторонку, у кассы вертелся пенсионер – член общественного контроля. Когда он купил что-то тоже дефицитное и ушел, меня повели в подвал. Там на полу лежали два пакета в кордовой бумаге, плотно завязанные шпагатом. Дама попинала их и указала на тот, который был побольше. Мой

муж, призванный вниз, взвалил его на плечи и вынес через черный ход во двор. Я поднялась в салон, оплатила покупку, забрала вконец обескураженную маму, и мы отправились домой, где, наконец, развернули добычу: синтетический палас на резине, значительно больший, чем надо, по размеру. Ну и на том спасибо!

Профессия продавца стала самой «почетной и уважаемой» (прямо по Райкину). Даже в театре на первых рядах восседали полнотелые дамы с прическами «бабетта» и в платьях с очень крупным рисунком в цветах. Так наряжались трудящиеся прилавка. Это продолжалось очень долго. Уже после перестройки я отправилась на рынок за перцем. Народу было мало. Продавщица сказала мне:

– Здравствуйте! Что вы хотите? – чем повергла в глубокое изумление. Обычно продавцы имели выражение крайней неприязни и давали понять, что им мешают и вообще «непонятно, чего тут ходят», все равно же на прилавке ничего нет. Я объяснила, что мне надо. Она вышла из-за стойки и сняла перец с витрины. Это что, настают новые времена, и покупателя отныне будут считать за человека?

– Вы, ведь в ресторане работаете?

Я поняла, что сейчас пакет с перцем вернется назад, но честно ответила отрицательно.

– Обозналась! Я еще подумала, как вы постарели! – сообщила тетка, но перец не отняла. Так, в состоянии полного недоумения я несла покупку домой и думала, что подобное

раболепие перед «дающими» уже вошло в менталитет.

Увидев любую очередь, сначала занимали, а потом спрашивали, что дают, иначе подойдут другие и тебе не достанется: «как раз передо мной и закончилось!» Классический анекдот того времени:

– Скажите, что дают?

– РембрАндта (книги были тоже в большом дефиците).

– А, простите, это лучше, чем кримплен? (для непосвященных – это обивочный материал, который у нас приспособили для пошива костюмов)

– Не знаю, не пил!

Проблемы со снабжением не касались «слуг народа», начиная с инспекторов райкомов партии и трудящихся райисполкомов, правда, там была строгая иерархия. Моя подруга как-то сказала: «вчера в гастрономе видела секретаря обкома по пропаганде (второе лицо в области). Наверное, за спичками зашла». Ничего другого в магазине «лицу» понадобится не могло – все привозили на дом. Товарищи пониже рангом снабжались в спецраспределителях. Ход туда простым смертным был воспрещен. Мне однажды повезло: пригласили поработать месяц в спецбольнице и благодетельствовали спецпайком к дню Великой Октябрьской революции, кстати, невзирая на выраженное сопротивление остального персонала. Они тоже считали себя элитой в некотором роде. Утечки информации, конечно, происходили, например, наша доктор рассказывала, как экипировали делегатов

на съезды партии в спецателье. Но в основном, «слуги» были достаточно изолированы от широких масс. Всем «чинам» запрещались контакты со старыми друзьями, чтобы лишнего не выбалтывали. Мой товарищ, получив должность, немедленно прекратил с нами всякое общение на весь период пребывания «на верху» и немедленно возобновил дружбу после ухода оттуда.

Перед финской, «незнаменитой войной» вдруг магазины наполнились товарами. В длинном здании около Окуловской площади (сквер Уральских добровольцев), на которой тогда проходили парады, где рядом в таком же доме потом была табачная фабрика, вдруг открылся универмаг «Уралторг». Мы ходили туда, как в музей. Теперь это называется «зыринг» по аналогии с «шопингом». На полках лежали невиданные нами товары: полотно, ситец, драп, сукно, шелк, катушки цветных ниток, мулине, белье, готовое платье.

Прошло полгода. Началась война с «белофиннами». Она быстро закончилась. Но еще быстрее закончилось «изобилие». И «Уралторг» закрыли. А там и до большой войны стало рукой подать.

Однако, «не хлебом единым». Что касается культурной жизни, то в Перми, по воспоминаниям старшего поколения, в среде интеллигенции жизнь протекала насыщено. Компании собирались по интересам, часто из сослуживцев. Врачи устраивали домашние концерты, пели, играли на разных инструментах. Замечательно играл на фортепиано профессор

Николай Михайлович Степанов, прекрасно пела жена профессора Селезнева Муза Петровна. Составился даже квартет. Обсуждали книжные новинки. Часто общались на дачах, которые снимали на лето в Верхней Курье и ездили на работу на речном трамвайчике. Это продолжалось какое-то время и после войны, пока живы были наши учителя. Когда мы студентами на симфонических концертах смотрели с галерки в партер, то видели там весь ученый совет института. Это стимулировало интерес ребят к искусству. Недаром в анкетах, присланных на встречи однокурсников, постоянное желание побывать в театре.

Театр, до войны музыкально-драматический, работал по принципу антрепризы и не баловал публику репертуаром. Меня впервые повели туда в 1936 году. Давали «Русалку». Мне очень понравилось, а мама ругалась. Она слушала Собинова и Шаляпина в Баку и не одобрила ни пермского исполнения, ни декораций. Кажется, спектакль был вообще в концертном исполнении. Зрительный зал и сцена были тогда значительно меньше. Амфитеатр и балкон были представлены маленькими ложами. Все это было перестроено позже.

Недостатки культурных развлечений жители Перми, как и везде в провинции, восполняли сами, кто как мог. У нас из культурных мероприятий было только радио в виде черной тарелки на стене, которое передавало народные ансамбли – преимущественно хор Пятницкого – и последние известия, часто прерываемые «по техническим причинам», как и элек-

тричество. Оно использовалось только как освещение. Пищу готовили на керосинках или керогазах, гладили утюгом на углях. Время от времени им надо было широко размахивать для поддержки горения. В отсутствие электричества зимой работать было нельзя. Темнело рано. Керосиновая семилинейная лампа свет давала довольно скудный. Тогда пели домашним хором, а через стенку отвечали «семейщики» тети Кати. Там был уже настоящий ансамбль с очень своеобразным уральским многоголосьем. И я постоянно вспоминаю звуки баяна, которые доносились из соседнего двора. Это играл молоденький парнишка, отдыхая после работы. Судить о мастерстве я не могла, но слушать очень любила. Источником музыки был и патефон. Его ставили на подоконник, чтобы во дворе тоже было слышно.

Карандеевка

При всей скудости существования мама каждое лето везла меня в Карандеевку «из этой дыры оздоравливать». К деду собирались многочисленные потомки со всех сторон огромной страны. Из Ленинграда – тетья Вера, жена маминого брата Ивана, с моим двоюродным братом Геней, а в последний раз и с племянником Володей. Из Баку появлялись Лида и Валя Палатовы с их мамой, а моей двоюродной сестрой, Маней. Эти мои кузены были мне по маме двоюродными племянниками, а по отцу – двоюродными братом с сестрой. Прикатывала из Баку Валя Жильцова. После учебы из Тамбова возвращались на каникулы Ванюша и Тоня Палатовы, тоже кузены, дети тети Лены, уже студенты пединститута. Мы являлись с Урала.

Тамбов находится в лесостепной, даже больше в степной, зоне. При нас до войны около деревни был небольшой посаженный сосновый перелесок, а кругом, сколько глаз глянет, поля подсолнечника и проса, которое так красиво переливалось волнами под ветром. Избы строили стародавним способом. Вкапывали четыре столба. Между ними делали подобие плетня. Затем ногами тщательно мешали глину с навозом и соломой. Тут я не устаю удивляться, как жители на этой «помочи» не помирали поголовно от столбняка. Может быть, у них вырабатывался иммунитет? Полученной смесью обма-

зывали плетеную основу и выкладывали стены. Покрывали избы соломой. В кухне ставили русскую печь. Даже в самой бедной избе отгораживали «горницу». Это было парадное помещение, где стояла железная кровать с шишечками у тех, кто побогаче, и деревянная у бедняков. На ней горка подушек с самовязанной кружевной накидкой, снизу тоже вязаный подзор. На кровати, естественно, не спали. Это была декорация. Окна были завешаны половиками. Летом в горнице было темно, следовательно, не было мух и было прохладно. Там можно было отдохнуть на полу на половичках. Еще стоял стол, покрытый вязаной скатертью. В правом углу божница с иконами и вышитое полотенце, Библия и Евангелие. Когда разоряли церковь, бабкам не препятствовали разобрать и припрятать иконы и церковную утварь. Большие иконы «хоронили» по кладовкам. Около избы стояли огромные ветлы. Эти деревья есть и в Перми – они мне греют душу своим красивым силуэтом, как привет от деда.

На входе были небольшие сени, где стояли кадки с мочеными яблоками и обожаемой мною моченой сливой-терновкой. Под крышей был обязательно «потолок», где зимние сорта яблок сваливали гуртом, и потрясающий запах антоновки встречал вас у двери. Эти детские впечатления остались на всю жизнь, хотя мне больше не довелось побывать на своей прародине. В маленьких палисадниках цвели мальвы и золотые шары. Везде были вишневые кусты, с особенно вкусной черной вишней-владимиркой. На задах по той же

технологии ставили сарай, только без окон. Там хранили все хозяйственные орудия, съестные припасы, там же и спали летом. Вся наша жизнь проходила днем в саду. Село стояло вдоль тракта – «большой дороги». А огороды были на краю обрыва, который спускался к речке Вороне. На спуске, довольно крутом, стояли сады с яблонями, вишней, сливами, грушами (дулями). Лещина росла по бокам. В саду у деда раскинулась большая яблоня-анисовка, которую мы начинали объедать с завязи. Там же был наш «штаб», и мы на этой яблоне проживали. Самый обильный сад был у бабы Наташи. Каких там только не было сортов! И огромные «титовки», и вкуснущие «толкачики», так мы их называли. Они росли, как орехи, по три вместе и были грушевидной формы. Я больше их нигде не встречала.

Наша орава любила играть в магазин и столовую. Из фруктов делали «пирожные», варили на костре варенье, а потом ходили в походы и купались в речке. Этим руководил Ванюша, наш кому двоюродный брат, а кому – дядя. Сейчас я удивляюсь, что заставляло 18-летнего мальчика столько внимания уделять 8 – 10 летней малышне. Мы звали его «дядяней» (Наверное, ласкательное от дяди Вани). Красивый, похожий на есенинские портреты, он учился в пединституте и работал пионервожатым. Это был уже готовый специалист, и судьба ему предназначила быть учителем. Он рано женился, родился сын Костя. И тут началась война. Естественно, что наш комсомолец в первых рядах добровольцев отправился

защищать Родину. Был ранен, лечился в госпитале. Вернулся в строй. Был еще раз ранен. Лечился. В строй оказался негоден. Просился вернуться. Предлагали отправиться в Тегеран. Отказался. Как-то все же попал на фронт. Тут судьбе надоело его упрямство, и он погиб. Его сын стал военным. Он не носит фамилию отца. А мне он помог, не подозревая об этом, в одном трудном для меня обстоятельстве. Так Ванюша материализовался на помощь младшей родственнице. Спасибо тебе, Костя!

Мы очень любили деда. Он занимался нами, не ленился поговорить. Чаще всего общалась с ним я. Главной темой наших с ним бесед была астрономия. Я уже знала, что земля вращается вокруг солнца. Дед был убежден в обратном и приводил железный аргумент:

– Видишь подсолнух? Утром солнце слева. А вечером где?

Крыть мне было нечем. Опять же насчет пятен на Луне. Дед очень убедительно мне доказывал, что там Каин, убивший своего брата Авеля, отбывает наказание, назначенное ему Господом. На этот раз я не верила, но доказать снова ничего не могла. Однако идеологические разногласия никак не отражались на нашей взаимной любви. Я помню, как в 1937 году мы приехали с мамой рано лечить начинающийся у меня туберкулез, и я помогала деду украшать дом и иконы в Троицу. С какой любовью он укладывал сорванные мной цветы и веночки в избе и снаружи. А я впервые видела разнотравье в деревне, потому что к началу июня луга выгора-

ли, и мы с пригорков катались по сухой траве в сандалиях, у которых были скользкие подошвы.

Из Перми мы уезжали каждое лето. И детство у меня ассоциируется с жарой, фруктами, любимой вишней, чудесной чистой с дивным запахом береговых трав речкой Вороной, ласковыми взрослыми, родными сверстниками. Даже повальная свинка, которой мы в одно лето по очереди переболели, вспоминается, как темная прохладная горница и Валька, который вопреки строгому запрету влез ко мне через окно, чтобы угостить вишней. Я была очень рада, но вишню есть не смогла – рот не открывался. А Валька заболел в положенный срок, заразившись от меня. Это к вопросу, стоит ли делать добро. Думаю, что все равно стоит. Хоть будет что вспомнить.

Как эндемическое заболевание в Карандеевке я помню кишечную непроходимость от закупорки кишки вишневыми косточками. Созрела вишня и пошло соревнование, у кого сколько фунтов достали на операции. Мне кажется. Что этим даже хвастались. На вопрос, нельзя ли есть без косточек, ответ был: « а без них не наисся».

И еще одна беда была в Карандеевке – повальная малярия. На моих глазах половина населения сваливалась с температурой под 40 градусов, остальные носили им воду. Через день было все наоборот. Болели наши родные. Очень тяжело болела мама. И до сих пор не могу понять, почему она меня тащила каждый год в этот очаг. Самое удивительное, что я

так и не заразилась, и никто не болел из отцовской семьи. В Перми до войны малярия тоже была. В маленьком связевском домике напротив теперешнего хирургического корпуса на улице Куйбышева в 1937 году был противомаларийный диспансер. Меня туда водили на осмотр. Я хорошо помню, как врач уложил меня на широкую гладкую лавку у стены и очень больно щупал мою селезенку. Приступы у мамы тогда стали ежедневными. Постоянно приезжала «камета скорой помощи» на лошадке, отвозила больную в инфекционную больницу, где у нее искали тифы, которыми она переболела еще в гражданскую войну, пока кто-то не догадался взять кровь на «толстую каплю». Был назначен акрихин, мама окрасилась в желтый цвет, но малярию вылечили, а тут и война началась, после нее мы уже никуда не ездили.

Каждое воскресенье из Карандеевки взрослые пешком отправлялись на базар в Инжавино за продуктами за 7 километров. Там покупали яйца, творог, сметану и пр. немного дешевле у наших же сельчан, которые в свою очередь тащили туда провиант на своем горбу. Логике этой не понять, как это часто бывает в нашем отечестве.

И память хранит своеобразный тамбовский диалект, тем более, что иногда он всплывал и в Перми. Даже когда я работала на целине, меня мгновенно опознал кузнец, которому попала железная стружка в глаз. На мое «здравствуйте, проходите, показывайте, что у вас?» он ответил:

– Дочка, а ты же тамбовская!

Это при том, что к Тамбову отношение у меня все же косвенное, в Перми меня дразнили за то, что я «акаю», а у деда величали пермячкой. В Карандеевке население не понимало, что такое средний род:

– Онък! У табе полотенец-то иде? Он чистый? А яйцо уже готовая?

Слова тоже иногда имели другой смысл.

– А я вчерась кричала-то (плакала)!

– Ты в речку одна погоди, я сейчас разберуся (разденусь)!

– Гли! Манька-то уже растелешилася! (телешом – раздетый догола)

– Ты гляди, как бы Валька-то у табе не уходилси (не утонул)!

– Ой! А хлеб-то унесли! (украли). Кто унес? А ты глаза-то разуй!

– Леночка, у табе кастрюля люМенева или малИрованная?

– Эт куды ж я платок–то затутрила?

– Ты задохлик, табе Бог убил, так сиди, не питюкай!

– Намедни я так гОрилась (расстраивалась)!

– Эт чаво ты там гнЕздишьси (устраиваешься поудобней)?

– Эт кастрюля-то добре велика! Ты дюже-то не соли!

– А щи-то уже охварыздали?

– Вчерась у Петровны песни играли!

– Эт чтой-то наделали-то? Ни пришей, ни пристебай!

– Не буду это исть, гребую (брезгую).

– Чтой-то ты столько положила-то? Эт ведь ни в сноп, ни в горсть!

– А белье-то белое, прям кипенное.

О громком пении моя тетка говорила: «Ягодка! Эт чтой-то он себе так мучаить?». Щи не сварить, а «собрать». Спрягаться – «схорониться». К девочке ласковое обращение «сыннок», а ко всем – «ягодка». Черта поминали под именем «анчутки» или «нечистика», плохое пожелание «игрец табе возьми» или похуже – «паралик табе расшиби». «Бог с ними» звучало как «сыннок, да они-то!». Щенка называли «кутек», а загон для овец «катух». Дед говорил тетке: «Онък! Ты чай-то хрухтовый завари. От Высоцкого оставь на воскресенье. А в церкву пойдешь, платок надень кобеднишний».

По отношению к долгам:

– В полях не хлеб, по людям – не деньги.

– У тебе плачуть – просят, а ты реви, да не давай.

– Одна копейка звенеть не будет, а у двух звон не такой.

– Бывают дураки в полоску, а ты дурак во всю спину!

– Ты Ваську-то шумни (позови).

Про плохой инструмент дед говорил: «плохая снасть отдохнуть не дасть!», а про беспорядок в доме «чтой-то стулья-то у вас кадрель танцуют!».

Своеобразное отношение было к падежам:

– А здесь Милы 5 месяцев. Пришли к сестры, стоим у сестре. – Вся орфография сохранилась в подписях на фото.

Еда в нашей деревне тоже была своеобразной. Там не при-

знавали пельменей. Мама так их и не научилась ни делать, ни есть, и так и не смогла понять, как это в пирог можно положить рыбу. Полюбила только пермские шаньги. Зато борщ всегда был выше всех похвал. Овощное рагу называлось «соус». В Тамбове росли тыквы, дыни и арбузы. Вызревали великолепные помидоры. Все это требовало полива. Вода была только в колодце, очень глубоком, с журавлем. Тетка, придя с работы, добывала воду и таскала ее на грядки. Помню необыкновенный урожай всего в 1937 году, когда колхозные овощи и фрукты развозили по дворам, и все отмахивались – свои девать некуда, все ветки у яблонь обломались под тяжестью плодов. А в Пермь, поскольку никаких фруктов в те времена не было, везли с собой сухие.

Единственное воспоминание, которое отравляло мне впечатление от отдыха, это путь до Карандеевки и обратно. Не люблю всю жизнь поезда и навсегда ненавижу Москву. Сборы меня касались мало, хотя обстановка была всегда нервозной. Уже в плацкартном вагоне (о других я не подозревала) жарко, тесно, заставляют есть. А меня тошнит. Я терпеть не могу крутые яйца и холодную курицу. Мама обожает поезд. Она успокоилась и начинает завтракать. Ехать до Москвы двое суток. Спим с мамой на одной полке. Мне, конечно, невдомек, что сплю только я. Москва. Носильщик. Переезд на другой вокзал. Вещей полно. С собой постель (в плацкарте белье тогда не давали), еда, одежда. Долго хранился у нас маффраж с красными полосками для постели со специальным

двойным ремнем. Мама уходит компостировать билеты. Я остаюсь сторожить «места». Их 7 или 8. Среди вещей большой эмалированный чайник, это моя ноша. Он обшарпанным краем царапает мне ногу до крови. Мама на остановках уходит с ним за кипятком, и я опять боюсь, что она отстанет от поезда. Я сижу, непрерывно пересчитывая пакеты и чемоданы, и реву в голос. Мне очень страшно. Мамы нет. Я одна в чужом городе. Подходит милиционер. Спрашивает, почему я плачу. Я отвечаю, что потеряла маму. Он обещает мне объявить по радио.

Тут появляется мама. Она ищет носильщика. Мы идем к поезду. Снова вагон. Из окон от паровоза летит сажа. Попадает в глаз, и тогда всем вагоном достают уголком платка антрацит. Очень боюсь пронзительных гудков. Еще одна пересадка на станции Иноковка. До Тамбова мы не доезжаем. Надо ждать до двух часов ночи. Меня укладывают спать в какой-то квартире. В кровати скачут блохи и очень больно кусаются. Ночью мы садимся на третий поезд и едем до Инжавино, там нас встречают на лошади. Я в сонном состоянии в полной темноте еду на телеге вместе с вещами до дедова дома. Наконец, среди ночи выгружаемся. Доехали через трое суток. А обратно домой еще и с жестяными банками топленого масла, которые умелец запаивал в дорогу, чемоданом яиц, бидонами с медом, вареньем и еще бог знает чем, в голодный край. Не ем сладкое. Не хочу видеть варенье, особенно потому, что моей обязанностью было доставать косточки

из вишен. И может быть, не было у меня потом стимула навестить места моего детства из-за воспоминаний о тягостной дороге, или о том, как нас ошалевшие мамыши «питали» гоголем-моголем в жарищу с ремнем в руках. Мы ревмя ревели, и куры в это время клевали этот десерт из наших кружек, за что нам доставалось дополнительно. На дух не переношу этот самый «моголь» до сих пор. А все-таки тамбовщина – край благословенный, пусть процветает, изобилия ему!

Так до 10 ти лет я не видела лета на Урале. А в сороковом году мы не поехали в Карандеевку. Побоялись войны. Все знали, что она будет. Только Сталин делал вид, что не знает. В это первое на Урале мое лето я с моими степными генами впервые попала в уральский лес. Нас с мамой пригласили за малиной мои подруги – сестры Казаковы. Не помню уже, куда мы ездили, зато отлично помню, что из этого получилось. Мне было 10 лет. Мама всю жизнь тряслась, что я чем-нибудь заражусь и заболею. Меня к детям старались не подпускать, в трамвае не ездить. Если кто-то подходил близко, мама прижимала меня лицом к себе. Дома все обливалось кипятком, протиралось нашатырным спиртом. Результаты не замедлили сказаться. Как только я появилась в школе, на меня посыпались все детские инфекции, какие есть и каких и в природе-то не существует. Очевидно, усилилась и чувствительность. Я до этого никогда не была в настоящем лесу. А тут еще малинник, на который и привычные люди реагируют. День был жаркий. На голову я ничего не надела по там-

бовской привычке. Домой я добралась с трудом. А дальше, отец носил меня на руках по двору, я орала своим, но нехорошим голосом от головной боли. Таблетку мне дать не догадались. Начался жесточайший поллиноз, и с этого времени на долгие годы я получила очень тяжелую мигрень. И до старости я не могла выехать в лес на один день без адаптации, приступ начинался немедленно, в том числе и на даче.

Наступило лето 1941 года. Пропустив год отдыха, родители решили, что перестраховались, и купили билеты на понедельник 23 июня. Мама пригласила тетю Катю Соловьеву с детьми. Та напекла пирогов в дорогу. А 22го началась война. Билеты сдали. Остались дома. Не застряли по дороге. Не попали под бомбежку. Пирог съели.

А вот мои бакинские родственники доехали до Карандеевки и остались там на всю войну с детьми и бабками. Сестра Тоня, учитель математики, оставив двухлетнего сына на попечение бабушки, пошла работать в детский садик. Остальные, кто мог – в колхоз. Дети болели малярией, в военное время не было возможности с ней бороться. Валя и Лида перенесли тиф. Оба заработали кучу болячек на всю оставшуюся жизнь. В Баку им удалось вернуться только после окончания военных действий и то не сразу. Тонин муж, тоже учитель, погиб на фронте.

Школа

В нашем детстве в школу принимали с 8 лет. Улица Пермская относилась к седьмой школе, но из-за перегрузки большинство ребят учились сначала в 29й четырехклассной, которая располагалась в приспособленном двухэтажном деревянном жилом здании недалеко от нашего дома. И в самой седьмой младшие классы тоже учились в «маленькой школе» на углу Большевикской (Екатерининской) и Долматовской (ул Попова). Это было одноэтажное деревянное здание с просторными высокими тремя классами, через коридор от которых располагались комнаты поменьше. Там жили уборщицы (технички) и были подсобные помещения. Когда мне посчастливилось попасть в музей декабристов в Сибири, я не сразу сообразила, что они мне напоминают. Только позже вспомнила: дома Нарышкиных в Кургане и Муравьева-Апостола в Ялуторовске – точные копии нашей маленькой школы. Декабристы, выйдя на поселение, купили их у местных купцов. Вероятно, этот стиль был принят у «среднего класса» тех времен. Мой одноклассник Геннадий Валерьевич Иванов раскопал, что здание это принадлежало вначале священнику Рыжкову, а «большую» школу, как мы называли основное здание, построил на свои средства купец в шестом поколении Суслин. Школу «маленькую» нашу давно снесли. Даже место теперь угадать трудно, там теперь «Това-

ры Прикамья», но когда проходишь мимо, обязательно что-то шевельнется в памяти.

В 29ю школу мама не хотела меня отдавать категорически. В конце августа 1938 года мы отправились в «большую школу № 7» к директору. Антонида Елизаровна Верхоланцева сидела в своем кабинете в одноэтажном пристрое по улице Луначарского. Мама обратилась с просьбой принять меня сразу в седьмую школу, и не в первый, а во второй класс. Прямо сказать, не очень скромно. А.Е. – человек исключительно интеллигентный в самом высоком значении этого слова – внимательно выслушала и поинтересовалась, откуда такие претензии. Мама объяснила, что я умею читать, писать и считать, поэтому в первом классе, где это только начинают, мне будет скучно, я могу «разболтаться». Я, сидя напротив директора на стуле, подумала, что «болтаться» не стала бы, но возражения оставила при себе, тем более, что меня до этого момента в известность ни о чем не поставили и мнения моего не спрашивали. Действительно, ежедневно за моим маленьким столиком я должна была написать, посчитать что-то, порисовать – вроде уроки поделать. Да в восемь лет ребенок уже осмысленный. Это теперь волокут беднягу в полтора года на развивающие, а в 5 лет – на подготовительные курсы, только бы в школу взяли.

Антонида Елизаровна, которая безусловно должна была отказать, подумала и сказала:

– Видите ли, ваш район относится к 29й школе.

Мама возразила, что очень не хочет туда меня отдавать. Она считает, что школа слабая (интересно, откуда бы это ей знать?)

– И потом – продолжала А.Е. – если мы примем девочку 8ми лет во второй класс, получится, что она пошла в школу семилетней, а это недопустимо! Нельзя лишать ребенка детства!

И в этот момент (скажите, что судьбы не существует!) в кабинет вошла тогдашний завуч Александра Ивановна Серебренникова. Она включилась мгновенно:

– Ну, а я пошла в школу шести лет. Так что, я дура что ли по-вашему?

Всю эту сцену я и сейчас вижу во всех деталях. Мы не знали в те времена, что они ближайšie подруги и много лет работают вместе: Александра Ивановна все годы нашего обучения в школе была завучем, а Антонида Елизаровна – директором. А тут мне показалось, что они спорят. Как-то безучастно я смотрела на происходящее и ждала, когда можно уйти. А.Е. протянула мне листок бумаги и карандаш;

– Напиши, пожалуйста, слово «мальчик».

– А, подумала я, наверное, они хотят узнать, надо ли поставить мягкий знак. Написала.

– Правильно! – с удивлением сказала А.Е.

– Да возьмите Вы ее! – Это снова вступила А.И.

Так решилась моя судьба в самом буквальном смысле. Все, что происходило потом, было следствием этого главного

события в моей жизни. Мама поблагодарила, попрощалась, и мы пошли домой. А для меня ничего не случилось – подумаешь, в школу! Из нашего двора все учатся сначала в 29й, а я одна ходи за три квартала!

До начала учебного года произошло еще одно событие. Мама мечтала для меня о музыкальном образовании. Мы отправились в музыкальную школу, которая тогда помещалась в часовне Стефана Великопермского. Здание было замечательное, с прекрасным залом и классами, отличной звукоизоляцией. На экзамене я выполнила все задания. Мне поставили «отлично» и не приняли. Не было мест. Попросили оставить открытку с адресом, чтобы сообщить, если место вдруг появится. Приглашение мы получили через месяц, кто-то отказался от занятий. Я отправилась в музыкальную школу и там встретила девочку из нашего класса, Катю Казакову, с которой мы и проучились у одной преподавательницы, Сарры Марковны Лейзерах, все годы, а подругами остались на всю жизнь. Учить уроки по музыке мне было негде, первый год занималась у знакомых, а на следующий год мама продала свою единственную ценность – каракулево манто – и мне купили пианино. На новое все равно денег бы не хватило, поэтому было получен с фабрики после реставрации инструмент марки «Циммерман». Когда я возвращалась из школы, мне навстречу во дворе прибежали мальчишки с криком:

–Милка! А вам гитару привезли!

Это был сюрприз. Теперь можно было заниматься нормально.

1 сентября 1938 года мама отвела меня в маленькую школу во второй «б» класс. С мамой – это был единственный раз, как и у всех моих сверстников. Дальше все самостоятельно. В школу я вошла в состоянии шока и не могла выйти из него месяца два. Ребята уже год отучились вместе. Все друг друга знают. Где сидеть – решили. Как учиться – тоже. А я, как истукан, встала и стою у стенки. И всех боюсь. И что делать – не знаю. Звонок. В класс входит средних лет скромно одетая женщина – наша учительница Анна Семеновна Тимофеева. Увидела мою перевернутую физиономию, взяла за руку и отвела за парту, где уже сидела девочка с роскошными рыжими кудрями. Хорошо, что А.С. назвала ее Шурой Ширинкиной, а то я бы побоялась спросить, как ее зовут. Ступор у меня не проходил. Я с ужасом ждала, что меня учительница о чем-то спросит. Но это была НАША школа. Очевидно, Анну Семеновну предупредили, что новенькая нигде раньше не училась. И это моей любимой учительнице я обязана тем, что не заработала тяжелый невроз. Только через месяц, дав мне адаптироваться, она задала мне первый вопрос. И еще. Я люто ненавидела свое детское имя «Мила» и предупредила, что если Милой назовут, в школу ни ногой. Анна Семеновна, конечно, об этом не знала, но сразу назвала Людой, что примирило меня на некоторое время со школьными буднями.

Вначале все шло через пень-колоду. Что-то не поняла я по арифметике. Спросить постеснялась. Пришла домой и заявила, что больше в школу не пойду. Тут родитель посадил меня за стол и внес ясность. Решение бросить школу пришлось отложить. Однако скоро я опять вознамерилась расстаться с образованием. На этот раз причиной было мое, взлелеянное мамой, полное неумение общаться с себе подобными. Мальчишки наши, как и везде, пройти мимо не могли, чтобы не дернуть за бантик, или не толкнуть. Однажды даже привязали мою чернильницу-непроливашку в мешочке к лампочке на потолке – как только и достали! А я с жизненной установкой «отходи» и «надо слушаться» только и могла забиться в угол. Тут опять на сцену вышел мой отец. Он вырезал из дерева большую крепкую линейку и подал мне ее с инструкцией:

– Если кто сунется, бей, куда попадешь.

И прикрепил линейку к портфелю. Его для меня к школе сделал какой-то умелец из старого отцовского и отдал со словами: «десять лет ходить с ним будет». Знал мастер, что говорил. С ним я проходила всю школу и первые два курса института. Его убойную силу оценил мой, теперь покойный, друг Левка Соломоник. Через много лет я, удаляя большую липому у него на спине, грозно вопрошала: «говори, кто мою чернилку привязал?». А линейка тоже сыграла решающую роль в становлении моей личности. По привычке Генка Головков сунулся было толкнуть меня, я закрыла глаза и со все-

го маху огрела его линейкой по голове. Больше любителей не нашлось. Поняли, что я дам сдачи. Вот после этого я оглянулась по сторонам и почувствовала, что пришла учиться в свой класс. Теперь можно было заняться делом. Очень мне в этом помогла Шурочка, сидя со мной на одной парте. Она долгое время заходила за мной по дороге в школу, и мы шли вместе. Это тоже примиряло меня с действительностью. А из Шурочки потом вышел превосходный преподаватель географии и работала она очень долго.

Бедная моя мама, прожив всю жизнь под прессом, никогда в школе не училась. Воспитывая меня в строжайшем послушании, она не могла понять, что на свете существует коллектив, а детский коллектив – особая статья. В нем идет закладка будущего характера, а значит, судьбы. Дети жестоки, и хотя им незнакомы еще многие особенности взрослого общества, они его хорошо предваряют. И школа – это тоже важнейший этап в жизни. Я сужу по историям классов сына и внучек. Какое поле деятельности для психологов (настоящих)! А мамино влияние как-то ослабло! Опять же, генетика без моего ведома проявилась. И я рано усвоила, что мое дело – работа. Дело свое надо знать. Для этого надо хорошо учиться. А чтобы тебе в этом не мешали, умей постоять за себя. Первой не лезь, незачем и некогда, но если тебя тронут – давай сдачи. Потом выяснилось, что по гороскопу я – лошадь. А кем бы мне еще-то быть с моей наследственностью? А лошадь, между прочим, обидчика может лягнуть, и еще

как!

Обучение во втором классе было направлено на выработку почерка и грамоту. Писали в тетрадках в три линейки с соблюдением нажима и наклона. У меня с чистописанием было туго. Ребята целый год упражнялись, а я объявилась без навыков. Что-то похожее на почерк у меня появилось только в старших классах, когда пришлось записывать быстро. По другим предметам я успевала. Тут мама оказалась права. В первом классе было бы тоскливо. Несмотря на пропуски из-за полного набора детских инфекций, я не отставала. Писали мы чернилами при помощи деревянных ручек со вставным пером №86. Для красивого текста и заголовков было перо «рондо». В мешочке на веревочке носили с собой чернильницы-непроливашки. В каждой тетрадке ценой по 10 копеек была промокашка. Задачи решали в тетрадках в клеточку. Соблюдали отступы и интервалы. Хорошо помню первую на моем веку политическую кампанию. У нас были тетради с рисунком Вещего Олега на обложке. Кто-то ретивый рассмотрел на ножнах его меча буквы: «долой ВКПб». Мы тоже пытались их разглядеть, но очевидно, фантазии недоставало. Тетради из продажи изъяли, художника посадили. А в следующих классах в учебниках были замазаны черной тушью портреты и вымараны абзацы об очередных врагах народа.

Не помню уроков физкультуры в младших классах. В маленькой школе места не было. Учителя все были в годах. В каждом классе они у нас менялись. Особенно долго болела я

коклюшем в четвертом. Зинаида Ивановна Гилева, строгая и немного суховатая, сказала мне:

– Ты много пропустила, одна не догонишь. Приходите с мамой ко мне домой вечером. Я с тобой позанимаюсь.

Мы несколько раз побывали у З.И. Быстро прошли главные темы. Никаких намеков на оплату даже представить было невозможно. Я безболезненно перешла в следующий класс.

Здание большой школы представляло собой типовой проект учебных заведений, построенных в самом начале 20го века. Таких зданий в городе несколько. На нашем фронто-не была надпись: «Седьмое городское женское училище». Ее сбивали и восстанавливали. Несколько лет надпись отражала истинное положение вещей, это когда нас разделили, и мы учились без мальчишек. А теперь даже одну парадную дверь заложили, чего не стоило бы делать, все-таки здание историческое. На первом и втором этажах было по три больших класса с потолками под 5 метров. То-то трудно было мокрую промокашку под лампочки подкладывать, чтобы свет погас и урок сорвался. Между классами были двойные деревянные стены до потолка, которые складывались гармошкой, и тогда на весь корпус образовывался огромный зал. Между стенами был промежуток сантиметров в 70. Он при необходимости превращался в раздевалку. Звукоизоляция была хорошей. В торце был еще один квадратный класс с огромным окном. Думаю, что он был устроен вопреки проекту уже дав-

но. На втором этаже в нем учились мы два последних года. Коридоры были широкими и светлыми. Физкультурного зала не было предусмотрено, поэтому для занятий использовался коридор на первом этаже. Там стояли брусья и лежал мат. Инструктором была Мадина Латыпова, одновременно и старшим пионервожатым. Занятия проводились в основном по гимнастике.

Александра Ивановна уже в бытность свою директором (она стала им после нашего выпуска в 1947г.) сумела выбить средства на пристрой. Теперь на месте нашего класса площадка в коридоре и дверь в учительскую. При нас она была закрыта. После того, как недавно поставили стеклопакеты, школа потеряла свой первоначальный облик. Ведь окна – глаза дома. Но пакеты, конечно, необходимы. Улица Попова невероятно шумная, движение там интенсивное, чтобы не сказать больше. И теперь отпрысков известных фамилий везут в иномарках в престижную английскую школу и увозят тоже, мешая движению остановками в неполюженном месте. Впрочем, престижной наша школа была всегда. Только ученики ее были поскромнее, но поделовитее. И наши троечники были хорошистами и отличниками в институтах.

Это было заслугой замечательного преподавательского коллектива. А.И. и А.Е. долго его создавали, а потом поддерживали и совершенствовали. Показателем было и то, что нередко возвращались уже учителями и выпускники нашей школы. Сплоченность коллектива была удивительной. Лю-

бовь к своему делу и ответственность – тоже. И было человеческое отношение к ученикам. Никто не мог сорвать неудачу на детях или показать свое превосходство. Подход был со всей строгостью. Наказания тоже были, но при этом ребенка никогда не унижали. Уникальным педагогом была Мария Александровна Головина, преподаватель географии. Она великолепно знала свой предмет. Я из своего преподавательского опыта хорошо знаю, что ученики прежде всего и выше всего ценят компетентность учителя. За это ему даже странности могут простить. М.А. могла показать все на карте у себя за спиной, не оборачиваясь. Однажды ребята в нашем классе подстроили отключение освещения. М.А., не разбираясь с подробностями, сказала:

– Ну и ладно, устроим слепую контрольную. Мушак, называй границы Румынии.

Жарко стало не только Мушаку. Дело в том, что уроков было два подряд. Больше на географии свет не выключался. Бездельникам на задних партах она могла отвесить полноценную затрещину и выкинуть из класса вместе с сумкой. Так что если в классе открывалась дверь и из нее летели в коридор по очереди репрессированные лентяи вперемешку с портфелями, было ясно, что идет урок географии. И хоть бы кому-нибудь пришла в голову мысль пожаловаться! Матери, заезженные работой, не имели ни времени, ни сил справляться с буйными сынками и были благодарны М.А. за «твердую» в буквальном смысле руку. «Горе ты луковое, ба-

рахло ты несчастное! Я тебя сейчас выкину, только ножками сбрыкаешь» – это одно из традиционных напутствий, которое получал экстрадируемый с урока. А мальчишки этим даже гордились:

– А Марьюшка мне как поддаст!

И в то же время, того же Мушака, который вдруг перестал учиться, а на это были какие-то серьезные причины, М.А. после разговора вызывала к карте и за слабенький ответ ставила ему 4 и хвалила. Мы знали, что это аванс, попытка поддержать и помочь. У одной из наших девочек были проблемы с гуманитарными науками. Она впадала в столбняк, стоило только вызвать ее к доске. При этом она хорошо решала задачи и выполняла письменные задания. Учительница литературы в разговоре с родителями посоветовала оставить ее на второй год, чтобы она почувствовала себя увереннее, проходя материал по второму разу. Те согласились. Девочка попала в наш класс. И наша строжайшая и бескомпромиссная учительница вызвала ее отвечать. Та едва могла два слова связать. Ее похвалили и поставили 4. Удивились мы необычайно, однако вскоре нам объяснили ситуацию. Прошло много лет. Девица наша стала главным областным специалистом, выступала с высоких трибун, и остановить ее было невозможно. А могла бы остаться ущербной личностью, если бы невроз, в ее случае безусловно навязанный родительским «воспитанием», не был остановлен разумным подходом в школе.

Школа всегда большое внимание уделяла эстетическому воспитанию. В 1940 году перед окончанием учебного года нас допустили в «большую школу» на постановку «Горя от ума». Режиссером был Евгений Георгиевич Калугин, учитель физики и астрономии. Костюмы взяли напрокат из театра, выступали «как настоящие». Сцену в конце раздвижного зала сколотили из досок. Они для таких случаев хранились где-то в сарае. Нам достались места на подоконниках. Мы с восторгом смотрели на Пиню Хавкина в роли Чацкого, Шурку Никитина, моего соседа, в роли Скалозуба. На будущий год этот класс с выпускного бала отправится на фронт.

А я вспоминаю большую школьную стенгазету под названием «Вперед и выше», посвященную этому выпуску. К фотографиям каждого из учеников 10 класса были пририсованы тела в различных позах и написаны предсказания их будущего. Из Шурки Никитина, изображенного в танце с Мадриной Латыповой, должен был получиться светский молодой человек, Изя Коган, погибший в первом же боевом вылете, представлялся в будущем учителем. И так о каждом. Накануне войны. А во время войны эта газета «ляжет на меня», и я буду единственным редактором и корреспондентом, а потом эта обязанность плавно перетечет на институтскую курсовую.

Мемориал не вернувшихся ребят бережно хранится в школе. А наши герои вернулись. Мы встречались в школе довольно часто с доцентом пединститута Хавкиным и профес-

сором сельхозинститута Никитиным, когда чествовали ветеранов или отмечали памятные даты. Еще живы были учителя, которые помнили нас, а главное – школу. Для моего класса, малышни, старшие были на недосягаемой высоте, а когда они вернулись с фронта, мы уже выросли и стали им ближе. И я получу открытку, где Пиня напишет: «Люда! Школьное братство – лицейское братство»! И только теперь подступает горькое сожаление о том, что мало общались, что это были необыкновенно интересные, настоящие люди.

На одном из традиционных сборов в 1967 году в школе чествовали ветеранов педагогического труда. Собрали всех юбиляров: А.И. Серебренниковой исполнялось 70, М.Г. Замараевой, математику, – 80, Вениамину Михайловичу Каптереву, историку, – 90 лет. Грамоты от Горкома им вручал зав. Горздравотделом Борис Юдович Симановский, фронтовик, тоже ушедший на войну сразу после окончания нашей школы. Я помню, как во время учебы за буйство Борю запирали в комнате А.И. Она в то время жила при школе. И тогда на все коридоры раздавался страшный грохот, это узник протестовал против лишения свободы. И все говорили: «Опять Симановский дверь вышибает. Интересно, что он опять натворил».

Не упустил момента наш историк. Ответное слово он начал так:

– Спасибо, что позвали, спасибо, что помните и даже отметили. А мне приятно видеть, что труды наши не пропали

даром. Вот возьмите Борю. Ведь это что было? Это, ведь, кошмар был, а не Боря! Это ужас был, а не Боря! А теперь? Вот стоит тут на трибуне и грамоты нам вручает.

И очень уважаемый в городе, действительно дельный «горздрав», который учился в институте после армии только годом впереди нас, улыбался на трибуне 90-летнему учителю. А я подумала, что, благодаря в том числе и Боре, и таким, как он, мы сидим тут сейчас, живые и здоровые. Борис Симановский умер скоростижно перед самым отъездом в Израиль, куда он никак не хотел. Он приходил к нам в клинику попрощаться и не мог говорить, расцеловались со слезами на глазах. Когда я бываю на Северном кладбище, всегда подхожу к могиле Пини Хавкина, с теплом вспоминая его и его одноклассников.

Земля вам пухом, ребята! Мы помним вас, пока живы, и хотим, чтобы помнили после нас.

Когда я думаю о людях той эпохи, кристально честных, благородных, доброжелательных и беспредельно преданных своему делу, то мне приходит на ум вопрос: откуда происходили эти качества? Может быть, был прав И.П.Павлов в своей статье о национальном характере, где он упоминает мнение англичан: причина успеха – наличие препятствия. Может быть, именно великие трудности порождали в наших старших душевное величие? И не эти ли качества приводили их к гибели в ту эпоху? Как во все времена, их было немного, серая масса терпеть присутствие им подобных, как всегда и

езде, не могла. Недаром большевистская стратегия заключалась в истреблении вначале ученых, затем мастеров, а потом и просто работников. И ведь удалось люмпенизировать страну! В тридцатых годах реформами образования чуть было не оставили Россию на уровне ликбеза, который, правда, успешно выполнили. Крупская своей рукой вычеркнула из школьной программы всю классику, оставив Демьяна Бедного (кстати, выходца из весьма небедной семьи), а заниматься стали по бригадному методу, когда отвечал один, а все получали зачет. Потом опомнились и создали лучшую в мире систему образования, как и здравоохранения. А теперь настал рецидив, снова разрушено все и заменено на остроумно спикером Мироновым названный процесс «дебилизации школьников».

После окончания 4 класса мы выдержали 4 экзамена. Теперь мы были уже в средней школе. 22 июня 1941 года в Красном саду был детский праздник. Мы с удовольствием побегали и повеселились, а, возвратившись домой, еще во дворе слышали: «война!».

На другой день ко мне прибежала Руфа Рутман, моя соседка, с которой мы выросли с полутора лет «через забор». Вызвав меня во двор, она с ходу заявила:

– Все! Я бегу на фронт!

Я не ожидала такого поворота событий.

– Руф! Но тебя же поймают на первой же станции и вернут домой!

Такого аргумента не ожидала Руфа. Нам было по 11 лет. Решение пополнить ряды воюющих было отложено. Но этот подход тогда был совершенно характерным для нашего поколения. И на фронт бегали, и возраст себе прибавляли, чтобы попасть в армию, и «сыновей полка» было немало. У старших, как и у моего отца, в углу стоял самодельный рюкзак со всем необходимым, приготовленный для немедленной отправки на театр военных действий. Мы, конечно, не сознавали полностью всей трагичности разворачивающихся событий. Но убеждение, что воевать будут только на чужой территории, было воспитано в нас с молодых ногтей: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!» И при любом повороте событий под лозунгом «Все для фронта, все для победы» проходила наша жизнь весь военный период.

Вот тогда в стране и была национальная идея. Она формулировалась кратко и понятно: защита Родины. Это помогло народу выстоять как на фронте, так и в тылу. И мы, шестиклассники, отправляясь в цех номерного, потом телефонного, завода один день в неделю в течение двух лет, понимали, что свинчивая какие-то полоски, помогаем конкретно «делу разгрома врага». А вот где теперь взять новую национальную идею, ищут ученые, ищет милиция... и далее по тексту. Если посмотреть в историческом плане, то следует заметить, что на Руси никогда не ценили ни народ в целом (людишки, смерды, народишко, холопы, чернь – какова терминология

гия!), а тем более отдельного человека как личность. Может быть, если, наконец, у нас этому научатся, и появится настоящее гражданское общество, то полноценные личности (третье непоротое поколение) сумеют построить страну, которую они заслуживают. Террором в свое время довели народ до состояния послушного стада, но когда возникла смертельная опасность, в том числе и для самого диктатора, прозвучало: «братья и сестры». Сразу возникла общая идея во имя спасения. А почему бы теперь не появиться идее о построении нормального общества? А для начала в стране «прибраться». Старая утопия, скажете? А почему нет? Ей столько лет, что может мы уже до нее доросли?

1 сентября 1941 года мы пошли в 5й класс. В школе появилась целая толпа эвакуированных ребят. Более половины школьных зданий в городе были заняты под госпитали. Школа стала работать в 3 смены: в первую занималась школа № 6, наш класс учился в третью смену с 4х часов до 9ти. Зимой возвращались домой в полной темноте. Город практически не освещался. Электричество для населения было лимитировано: 7 киловатт на месяц на семью. В школе пользовались любой возможностью, чтобы сделать уроки при свете. Ученики средних и старших классов дежурили по очереди. Нам был доверен святая святых – школьный звонок. Школьники остаются ими при любой формации и любых жизненных обстоятельствах. Я на дежурстве принимаю заказ от Милы Бать-Генштейн:

– Люда! На четвертом уроке дай звонок на 10 минут раньше. У нас география. Я сегодня не выучила.

Домашняя работа тоже легла на нас – матерей мобилизовали на общественный труд. Отец в первые недели войны сделал металлический треножник. Я ставила его на плиту и на щепках варила суп. Мне дома был выдан маленький очень острый топорик – колоть щепки. Шрам на пальце ношу до сих пор.

Суп, который я варила, мой дед до войны называл «сталинской похлебкой». Его рецепт очень рекомендую в целях разгрузки организма от шлаков и лечения заболеваний желудка, печени и кишечника: картошка, лук, морковь и ложка постного масла, если есть, то сухой укроп. До сих пор этот суп у меня в большом почете.

В сентябре маму мобилизовали в Кондратовский колхоз на уборку урожая. Впервые я оставалась дома одна. Через две недели к нам во двор въехала лошадка с телегой под управлением одетой в армяк тетеньки, на телеге сидела мама и лежали мешки. Тетя помогла сгрузить их и уехала. В мешках оказалась картошка и овощи – мамин заработок. Он помог нам перезимовать. Отец, служивший тогда на хлебозаводе, изобрел приспособление для быстрого изготовления сухарей в промышленных масштабах. Ему дали бронь. На следующий год он получил несколько соток земли на Плоском поселке, где теперь улица Мильчакова. Там мы сажали картошку всю войну. Так что картофель – символ молодости

нашего поколения. В школе нас тоже гоняли на колхозные поля. Овощей я за пору моей юности накопила на всю оставшуюся жизнь, и за внуков тоже, как и все мои сверстники.

В августе и сентябре почти во всех квартирах наблюдалась типовая картина: открывалась дверь, в проеме появлялся домоуправ, за ним маячили люди. «Вот!», произносил начальник, и в комнату входили эвакуированные. Их поселяли, не спрашивая хозяев, да те и не сопротивлялись. Сочувствие было практически единодушным. Жили вместе до возможности возвращения, иногда до конца войны. К нам тоже поселили женщину, но она прожила у нас не более года.

В школе было холодно, сидели по трое на парте в шубах и варежках. Тетради больше не продавались. Писали, на чем придется. Учебники передавали в следующий класс до конца войны и позже.

Для добычи дров наши классы ходили на Каму и пилили мерзлые бревна, выловленные из реки. Собирали металлолом, при этом еще и соревновались. Один раз мы нашли где-то старые сани, нагрузили их железками, которые собрали по дворам, и с гиком и воплями прикатили на школьный двор, чем и заработали первое место. Напротив школы в здании терапевтического отделения областной (Александровской) больницы был развернут эвакогоспиталь «голова» (нейрохирургического профиля). Школа шефствовала над ним. Ребята помогали ухаживать за ранеными, писали письма, стирали бинты и давали концерты. Организовал-

ся шумовой оркестр из младших. Дирижировал Валера Клопов, маленького ростика, в пионерском галстуке с повадкой военного капельмейстера. Успех у него был ошеломительный. Вызывали не по одному разу. Вообще встречали очень тепло. Наверное, мы напоминали домашних, которые были так далеко.

Позже мои наставники рассказывали, что научному руководителю госпиталя профессору М.В Шацу пришлось совмещать эту должность с заведованием кафедрой госпитальной хирургии. Из преподавателей там остался ассистент А.С.Лурье, и молодые врачи, которые и тащили на себе всю лечебную работу, т.к. больница осталась единственной гражданской хирургической клиникой на весь город. Дежурили по одному, а ответственный ночевал дома, но выезжал на лошадке по первому зову. Надо сказать, что грабежей и воровства в войну стало поменьше. И у воров были свои «понятия», по которым, в частности, врачей в основном не трогали. Как говорил кто-то у Островского: «всякому безобразию есть свое приличие». Р.М. Арасланова рассказывала, как на обратном пути из клиники глухой ночью ее остановили грабители и попытались снять шубу. Подтащили к единственному на весь квартал фонарю. В это время раздался голос:

– Стой! Роза Михайловна, это вы что ли? – и к своим – отойти, проводить домой, пальчиком не тронуть! Все было выполнено. Вожаком оказался бывший пациент.

Довольно быстро стало голодно. По карточкам учащимся

давали 400 граммов хлеба и мало чего по другим талонам. Много ребят ушло после 7го класса в ремесленные училища, там на рабочую карточку полагалось 800 граммов. Карточки были тоже нашей заботой. Их надо было получить в жакте, заверить в школе и, главное, не потерять. По ним надо было выкупать продукты в распределителях, подолгу ожидая, что будут «давать». Когда я недавно увидела продовольственные карточки военного времени на стенде в заводском музее, меня чуть удар не хватил. Столько лет прошло, а как глянула – мороз по коже. Вот уж натуральное «де жа вю»! Цены в магазине были невысокие, только там ничего не было, а на рынке буханка хлеба стоила 100 рублей (при зарплате от 80). Кто стал дефицитом, так это кошки. Они были единственным спасением от мышей, таскавших продукты, а значит спасением от голодной смерти. У нас как раз впервые окотилась наша Ласка. Котят разобрали моментально. А для того, чтобы кошка их выкормила, одна из будущих хозяек даже носила ей молоко в маленькой бутылочке. Кошкам прокормиться было проще – в полу кухни всегда было отверстие, через которое они попадали в подвал и ловили там мышей.

В школе нам давали завтраки. Сначала это были какие-то неопределенные изделия, похожие на несладкие пряники, а потом просто черный хлеб, одна или полторы буханки на класс. Дежурный летел быстрее лани с хлебом в руках, а за ним все остальные с жуткими воплями. Хлеб исчезал гораз-

до быстрее, чем появлялся. Эвакуированная из Белоруссии Соня Лисиц была бессменной «дежурной по хлебу» и умудрялась по справедливости разделить его между учениками.

Ребята, попавшие к нам в эвакуацию, прижились быстро. Да и отношение к ним было очень доброжелательное. Ляля Турган (Елена Степановна Егорова) вспоминает, как в старших классах ей и Тамаре Панченко (Тамаре Александровне Мультменко) разрешили жить какое-то время в школе, потому что их военные семьи поселили на окраине города – на Бахаревке – куда осенью и зимой нереально было добираться. Нашлось небольшое помещение в пристрое, где они и перезимовали.

Стало проблемой помыться. Удобства в наших домах были во дворе. В городскую баню стояли длиннущие очереди, к тому же там постоянно выключали воду. Исчезло мыло. В банях на один билет давали крохотный, с доминошку, кусочек хозяйственного мыла. Мы покупали с десятков билетов по 20 копеек, и получался брусок, которым можно было помыться. И опять же, надо отдать справедливость властям, в эту страшную войну они не допустили эпидемий даже в таких невероятно тяжелых условиях. Большую роль в этом сыграли ученые нашего института, профессора Б.И. Райхер и А.В. Пшеничных. Они разработали способ получения сыпнотифозной вакцины путем кормления вшей на кожной мембране, взятой от трупа и натянутой на сосуд с кровью. Раньше эту функцию приходилось выполнять донорам, что

не позволяло получать материал для прививок в больших количествах. Эта вакцина спасла огромное количество жизней в тылу и на фронте.

И при всех этих обстоятельствах в школьной программе не было сокращено ни одной темы, наоборот, прибавилось военное дело, беседы о патриотизме, подготовки к приветствиям на многочисленных торжественных собраниях и много чего другого. Литмонтажи мне долго снились, до того «в зубах настряли». А ведь была еще и музыкальная школа, и в ней хор, выступавший и по радио, и на торжественных собраниях, и в госпиталях. «От края до края по горным вершинам», красивая кантата Александрова на четыре голоса, «Сталинской улыбкою согрета, радуется наша детвора», голодная и раздетая, ждущая весточки с фронта и получающая похоронки. И все же мы свято верили в победу. У нас, школьников, даже сомнений не было в исходе войны. Наши тоже голодные и озябшие учителя в нас эту веру поддерживали, успевая при этом учить на совесть, показывать красоту мира. Они помнили, что мы – дети и нам хочется чудес и загадок. Наша любимая учительница биологии, Людмила Вячеславовна Щербакова, вела урок с необыкновенным энтузиазмом. Я вспоминаю, как горели ее глаза, когда она излагала материал про ужей и гадюк (вот ведь гадость, по моему). Но, отрывая от любимого предмета по пять минут в конце урока, много дней рассказывала нам «Графа Монте-Кристо». Художественные книги в войну практически не из-

давались. Все приключенческие романы мы прочли гораздо позже, уже со своими детьми. А тогда это было окошечком в мало известный нам мир.

Пройдет много лет. Я помогу Л.В. полечиться в клинике. А еще через много лет ее внучатый племянник и одногруппник моей внучки принесет мне прекрасное ее письмо и стихи с благодарностью за лечение. Его нашла дочь в бумагах Л.В. после ее смерти. А я получила школьный привет.

В самом начале войны старшие школьники организовали ШТЭМ (школьный театр эстрады и миниатюр). Он действовал по типу агитбригады и выступал, где только можно. Репертуар был сугубо патриотический, но не следует забывать о военной цензуре и Всевидящем оке – НКВД. Это была огромная ответственность, прежде всего, А.И. Она ее взяла на себя, хотя при малейшей ошибке несдобровать было бы и ей, и ребятам. Уголовная ответственность тогда была с 12ти лет. И при этом, А.И. не забывала о культуре. На возражение Левы Футлика: «Ну, это что-то не тоё!» она немедленно отреагировала: «Лева! А нормально сказать нельзя?» И Лева немедленно извинился. Все участники ШТЭМ стали профессиональными артистами, режиссерами, администраторами: Юра Гладков, Тамара Шилова, Лева Футлик, Боря Левит, Боря Наравцевич, Сема Баршевский.

Надо заметить, что приличным манерам нас пытались учить в школе всегда. Когда я, постучав, ввалилась в кабинет и заявила: «Александра Ивановна! Мне надо поставить

печать на карточки» – она спокойно объяснила мне, что мое «надо» никому не интересно, а мне следует выйти обратно, вернуться и спросить, можно ли поставить печать на эти самые карточки. Этой инструкции мне хватило на всю оставшуюся жизнь.

Позднее так же необходимо, но доходчиво, мне объяснили, что порядочные люди помогают учителю донести пакет с тетрадями (а вдруг скажут «подлиза»), а подавать пальто надо пожилым людям обязательно, независимо от пола. И женщины должны так поступать тоже. Такой политес в нашем кругу известен не был, хотя в старших классах мальчишки наши единственные выходные туфли все-таки носили за пазухой.

Надо вспомнить, что помимо беды и тягот, в войну Пермь получила и бесценные дары культуры и техники. Из Ленинграда к нам были эвакуированы Кировский театр, хореографическое училище, фонды Русского музея, часть Кировского завода и др. У родителей Руфы был абонемент в театр, мы с ней пересмотрели весь репертуар со всеми звездами: Улановой, Дудинской, Шелест, Сергеевым и многими другими. В городе осталась на некоторое время репрессированная Е.Гейденрейх и основала знаменитое теперь хореографическое училище. Часть Кировского завода превратилась в самостоятельное предприятие, как и наш, ныне в бозе почивший, телефонный завод.

Так мы, в тесноте, да не в обиде, проучились и бй класс. Если уроков было меньше, бегали в клуб имени Ленина

и смотрели там фильмы, посылаемые по ленд-лизу: «Тетку Чарлея», «Серенаду солнечной долины», «Девушку моей мечты» с Марикой Рекк, уморительный «Скандал в Клошмерле». И перед началом 7го класса вдруг узнаем, что нас разделяют, как теперь бы сказали, по гендерному признаку. Мы теперь будем женской школой. До сих пор не могу понять, как и зачем (именно зачем) это могло случиться. Шел 1943 год. Еще не закончилась Сталинградская битва, по-настоящему не был ясен исход войны. Школы уплотнены и переполнены. В это время такая реформа могла придти в голову только тяжелому параноику или старой деве с идефикс, но как там-то за ней не уследили? Мы в классе крепко сдружились. Появился коллектив. Мальчишки наши не хотели уходить в другую школу. Весь год кто-нибудь из них вдруг появлялся в классе, тихонько устраивался на задней парте и просиживал урок. Учителя делали вид, что ничего не замечают.

Шесть лет у Верховланцевой учился
На улице Долматовской малец.
А там пришел указ. И все. Конец –
Он в школе на Советской очутился.
Но он с седьмой уже сроднился –
Не мог забыть он теплоту сердец
Учителей своих... (Г.Иванов)

Долматовской называлась тогда улица Попова.

Нашим ребятам еще повезло. Они были переведены в 37ю школу, тоже, как и многие тогда, располагавшуюся в приспособленном помещении, директором которой был выпускник нашей седьмой Борис Григорьевич Фукалов. Он постоянно общался с А.И. и в своей школе сохранял дух альма матер. Тем не менее, у мальчишек связь с первой школой и с нами не прервалась. Недаром Гена Иванов из нашего 2го «б» на 100-летие школы написал: «Мне школа 7, как Пушкину – лицей». Она и остается для нас лицеем. Я имею в виду НАШУ школу. И как на день лицея, мы ходили на день рождения нашего учителя математики, Людмилы Владиславовны Лебедевой, каждое 14 сентября, пока она была жива, а позже – к первому английскому завучу Ирине Михайловне Фомишкиной. Мы при ней уже не учились, но она тоже олицетворяла школу, потому что стояла у начала «английской» ее истории. Мы и теперь дружим с ее дочерью.

Война закончилась, когда подходил к завершению 8й класс.

В ночь на 9е мая 1945 года город не спал. Когда по радио Левитан передал сводку Совинформбюро с сообщением о капитуляции Германии, все высыпали на улицу. Символично, что в 7 часов утра мы сбежались у школы: моя подруга Мила Мейсахович, я, и Александра Ивановна с трех разных концов города и крепко обнялись. А потом мы целый день носились по школе и по улице. Было всеобщее ликование, хотя сразу ничего не изменилось. Остались те же кар-

точки, ограничения во всем, появился постоянный рефрен: «война была, ничего не поделаешь»! Но не было уже сводок Совинформбюро по радио, забрезжил свет впереди. Была еще короткая война с Японией, но она уже не произвела особого впечатления – не то видали – да и окончилась быстро.

Сдали, по обыкновению, кучу экзаменов, как и каждый год, начиная с 4го класса, а мы с Катей закончили музыкальную школу. Дальнейшее образование по музыке мы не планировали. Наше обучение ею оказалось из-за войны неполным, хотя было платным. Здание наше отобрали, теорию изучать было негде, оставалась одна специальность на дому у учителей. Педагогика в то время была своеобразной. В музыкальной школе категорически запрещалось подбирать мелодии на слух. Я уже не говорю о легкой музыке, а джаз вообще был преступлением («сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст»).

Все попытки наиграть новую песню жестко карались. Из нас пытались воспитать исполнителей исключительно классического репертуара. На переводные испытания в 4м классе был приглашен замечательный музыкант Брауде, который был в это время в эвакуации в Перми (Молотове). Я играла Баха, запуталась, села поудобнее и сыграла фугу сначала. После экзамена мы сидели в прихожей в доме учительницы, где все действо и проходило.

Педагогини наши нас отчаянно защищали, то-есть защи-

щались сами, а мэтр басил, что они учат «шерочек с машерочками», и единственный будущий исполнитель, с его точки зрения, – это та девочка, которая запуталась на Бахе. Вот уж в точку попал! Я, кстати, вспомнила тот эпизод через много лет, когда слушала в Питере органнй концерт Брауде, а с ним Леокадию Масленникову, и поняла, как должен звучать ангельский голос и музыка к нему.

А у меня быстро развилась «исполнительская болезнь» – боязнь аудитории. В институте я еще играла в наших курсовых концертах, а в основном готовила самодеятельных певцов и им аккомпанировала. Потом играла все реже, меня на все не хватало. Но позже мы часто вспоминали, как бегали в младших классах слушать сыгровки ансамбля в составе Шихова, Крылова, Соколова и Выголова на двух роялях. Сережа Шихов станет звукорежиссером на пермском радио, а его родных я полечу. Витя Крылов аспирантом будет вести нашу группу на оперативной хирургии, а позже первым в Союзе будет пересаживать почку и пришивать оторванные пальцы и читать у нас лекции, наезжая из Москвы. Вадик Соколов, сын нашего заведующего кафедрой анатомии, станет известным ученым в этой специальности, к сожалению, очень рано уйдет из жизни. Из учеников нашей преподавательницы станет выдающимся педагогом Маргарита Сергеевна Антропова. А мы начнем подготовку к институту, но любовь к музыке в течение всей жизни будет отдушиной и отдыхом от нелегкого труда, особенно во время работы над статьей или

очередным разделом диссертации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.